

INSPIRIA

ДЖУЛИАННА
МАКЛИН

МОРЕ
ЛУННОГО
СВЕТА

INSPIRIA

Джулианна Маклин

Море лунного света

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70242319

Море лунного света / Джулианна Маклин: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-194958-7

Аннотация

Оливия Гамильтон замужем за харизматичным пилотом Дином Робинсоном. Но их идиллия рушится в тот миг, когда самолет Дина исчезает над Бермудским треугольником... Общественность взволнована, журналисты и ученые выдвигают самые немыслимые версии вплоть до вмешательства инопланетян. После долгих поисков Оливии приходится расстаться с надеждой, что муж еще жив.

Мелани Браун – молодая перспективная ученоя, изучающая загадку Бермудского треугольника. Но после трагической смерти матери теряет интерес к своей диссертации. В попытках вернуть себе прежнюю жизнь Мелани начинает сеансы терапии и очень скоро влюбляется в своего психотерапевта.

В результате невероятного стечения обстоятельств пути Оливии и Мелани переплетаются, и теперь исчезновение Дина предстает в новом свете. Кажется, скоро все тайное станет явным...

Содержание

Глава 1. Оливия. Майами, 1990	5
Глава 2. Оливия. Майами, 1990	20
Глава 3. Мелани. Нью-Йорк, 1986	35
Глава 4. Оливия. Майами, 1990	46
Глава 5. Мелани. Нью-Йорк, 1986	49
Глава 6. Оливия. Майами, 1990	62
Глава 7. Мелани. Нью-Йорк, 1986	77
Глава 8. Оливия. Майами, 1990	88
Глава 9. Оливия. Нью-Йорк, 1990	93
Глава 10. Мелани. Нью-Йорк, 1986	101
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Джулианна Маклин

Море лунного света

Julianne MacLean

BEYOND THE MOONLIT SEA

© 2022 by Julianne MacLean Publishing Inc. This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© Смирнова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1. Оливия. Майами, 1990

Мне надо было быть умнее. Зачем только я все это ему наговорила?

Так я сказала себе, когда узнала, что случилось с моим мужем во время обратного рейса с Виргинских островов. Но ведь мы все говорим это, когда что-то идет не так, и мы оглядываемся назад и сокрушаемся, что не поступили иначе?

По крайней мере, в том, что случилось с Дином, не было моей прямой вины. Не знаю, кто был в этом виновен. Это загадка, которая, вероятно, так и останется неразгаданной. Я жалею лишь о том, что вся эта цепь событий вообще запустилась тем воскресным утром, когда нам позвонила моя мама. Мы с Дином еще спали, он со стоном дотянулся до телефона и снял трубку.

– Да? – Он провел рукой по лицу, чтобы проснуться. – Доброе утро, Лиз. Нет, не рано. Нет, вы нас не разбудили. Как вы? – Он посмотрел на меня, и я натянула на голову пуховое одеяло. – Да, погода отличная. – Он пихнул меня коленом. – Оливия? Да, она здесь. Секунду...

Я высунула из-под одеяла голову, наморщила нос и покачала головой, но он все равно сунул мне телефон с выражением лица «не заставляй меня с ней разговаривать».

Я не могла подвергать его такой пытке, потому что они с моей мамой были не особенно близки – мягко говоря, ведь

на самом деле они терпеть друг друга не могли и только ради меня старались вести себя по-человечески.

Дин тут, конечно, был ни при чем. Виновата была только мама.

Я села в кровати и взяла у него трубку.

– Да, мам?

Дин поцеловал меня в щеку, вылез из постели и побрел в ванную. Мама что-то говорила, но я не слушала, потому что засмотрелась на то, как мой прекрасный муж снимает футболку, прежде чем закрыть за собой дверь.

– Оливия, ты вообще тут?

Я облокотилась на груды пышных подушек.

– Да, мам, конечно.

– Ты слышала, что я сказала?

– Нет, я еще не до конца проснулась. Повтори, хорошо?

– Ты сможешь прийти сегодня на ужин? Сара и Леон в городе до среды, и Сара вчера мне позвонила – очень мило с ее стороны, мы с ней сто лет не говорили, чуть ли не с папиных похорон, вот я и пригласила их к нам.

Я почесала затылок, удивленная, что Сара позвонила маме. Сара – моя сводная сестра, на двадцать лет меня старше, плод первого брака папы с женщиной по имени Барбара, которой не стало еще до моего рождения.

– Уверена, ты помнишь, – продолжала мама, – что завтра вторая годовщина папиной смерти. Может, поэтому она и позвонила, не знаю. В любом случае ты тоже должна прие-

хоть.

К моему стыду, у меня совсем вылетело из головы, что завтра за день, но мой мозг был забит другим. Я сознательно старалась не смотреть на календарь.

Услышав, что в ванной включился душ, я выбралась из кровати и натянула халат.

– Да, собраться – отличная мысль. Мы будем рады прийти – ведь Дина ты тоже приглашаешь?

– Разумеется, – ответила она слегка язвительно, и этот тон говорил обо всем – что она, само собой, не хочет его видеть, но вынуждена терпеть его общество, чтобы не усугублять ситуацию.

– Ну я так, на всякий случай. – Я уже давно поняла, что не стоит и пытаться убедить ее, что она не права насчет моего мужа и что его нельзя считать недостойным меня только потому, что он не из богатой семьи.

Слава богу, Дин спокойно принимал чудовищный мамин снобизм. Мы обычно отшучивались и закатывали глаза – например, когда она хвасталась новой сумочкой за тысячу долларов или не слишком деликатно расспрашивала Дина о его нищем детстве.

Стоя у окна и глядя, как по утреннему небу плывет легкое облачко, я спросила, нужно ли принести что-нибудь на ужин.

– Только самих себя, – ответила мама. Мы поболтали пару минут, и я положила трубку.

Дин все еще был в душе, так что я поставила кофе и взяла

воскресную газету за дверь. Я дошла до раздела об искусстве и развлечениях, когда Дин наконец появился – мокрые волосы, шорты, светло-голубая хлопковая рубашка.

– Как чисто ты побрился, – сказала я с игривой улыбкой, намекая на то, что прошлой ночью его щетина была слишком грубой.

Он встал у меня за спиной и начал массировать мои плечи.

– Я постараюсь быть нежнее в следующий раз. – Он поцеловал меня в макушку и налил себе кофе. – Чего хотела твоя мать?

– Пригласила нас сегодня на обед.

Дин посмотрел на меня, слегка откинув голову назад.

– Нас обоих? Меня тоже?

– Да, я и сама удивилась, – сказала я. – Но приехала Сара, и завтра вторая годовщина папиной смерти, вот мама и решила собрать нас. Это было спонтанное решение, так что ничего особенного нас не ждет – только ужин из четырех блюд, папино любимое вино и мамины сентиментальные истории о нем.

Дин молча пил кофе.

Я тоже молчала, понимая, что все это ему не очень-то приятно, потому что они с моим отцом вообще не разговаривали – ни слова с тех пор, как папа пригрозил, что вычеркнет меня из своей жизни, если я выйду за Дина. Но это не остановило меня от того, чтобы пойти к алтарю.

Я поднялась со стула, отнесла в раковину пустую чашку.

– Ты по-прежнему хочешь взять сегодня яхту Сары? Если у нас впереди званый ужин, надо вернуться пораньше.

Дин посмотрел в окно.

– День прекрасный. Давай.

– Решено. Жизнь слишком коротка. Сейчас, только быстро приму душ.

Я была рада, что он согласился, потому что хотела обсудить с ним кое-что важное и не знала, как он отреагирует. Я надеялась, что прекрасная морская прогулка поможет мне.

Стоя на палубе «Мечтателя» – крейсерской яхты в тридцать девять футов, которую Сара позволяла нам брать время от времени, – я чувствовала прилив сил и веры в счастливое будущее. Дин стоял за штурвалом, наслаждаясь запахом моря и солеными брызгами, а я висела на вантах. Мои волосы, собранные в хвост, покачивались на ветру, шорох волн под носом яхты был райской музыкой для моих ушей.

– К повороту! – крикнул Дин, и я приготовилась. Он резко крутанул руль, и яхта развернулась.

– Гик!

Я пригнулась, паруса натянулись туже. Потом все стихло, и я прыгнула на рубку.

– Хочешь, я тебя подменю?

– Давай. – Он отошел в сторону, и я заняла его место.

Обратный путь прошел спокойнее, ветер был постоянный, но ласковый. Я стояла за штурвалом, а Дин лежал на скамейке рядом со мной, подставив лицо солнцу.

– Мы можем кое о чем поговорить? – спросила я, глядя на него и чувствуя себя бесконечно счастливой. Он повернулся, и я увидела свое отражение в его солнцезащитных очках.

– Все в порядке?

Дин всегда чувствовал мое настроение. С ним я была самой собой, и он принимал меня и любил. Можно сказать, боготворил. Я знала, что ради меня он готов на все. Для него я была целым миром, как и он для меня. Я была очень счастлива.

– Все чудесно. – Я взглянула на грот и чуть поправила штурвал. – Но я подумала...

Дин сел на скамейку и уперся локтями в колени, весь обратившись в слух.

– Мы ведь с тобой решили, что я перестану принимать таблетки и мы посмотрим, что произойдет.

Он кивнул.

– Но прошло три месяца, и ничего не произошло.

Он снова кивнул, терпеливо ожидая, когда я продолжу.

– Мы, конечно, пытались, – продолжила я, – но не то чтобы как-то особенно. Мы просто делали то же, что и всегда.

– Что именно? – поинтересовался он с лукавой улыбкой. Я рассмеялась и покачала головой.

– Хочешь, чтобы я это описала? В красках?

– Конечно, всегда за.

Я усмехнулась и снова взглянула на грот, чтобы проверить натяжение. Все было идеально. Мы шли по воде быстрым уверенным галсом.

– Просто, может быть, нужно стараться получше, – продолжила я. – То есть, я могла бы следить за своим циклом и измерять температуру, чтобы мы точно знали, когда у меня овуляция.

– Ты хочешь заниматься сексом по графику? – спросил он без осуждения, скорее с любопытством. Я скорчила гримасу.

– Да, но я терпеть не могу, когда так говорят. Мне нравится наша с тобой спонтанность.

– Мы все еще можем быть спонтанными.

«Какое счастье, что он оказался открыт для такого разговора», – подумала я, но мне все равно было страшновато.

– Если честно, я сомневаюсь в этой идее, – объяснила я. – Я на днях читала о паре, которая никак не могла завести ребенка и подошла к этому слишком серьезно. Они занимались сексом в назначенное время и перестали получать удовольствие. Каждый раз, когда у нее начинались месячные, они страшно переживали. Потом попробовали ЭКО и открыли еще один ящик Пандоры. Их отношения изменились навсегда.

– У них получилось? – спросил Дин.

– Нет. Они продолжают пытаться и ходят к психотерапев-

ту, чтобы наладить отношения.

– К психотерапевту...

Помолчав, он поднялся со скамейки, обнял меня за талию, уткнулся носом в изгиб моей шеи.

– Не беспокойся о нас. Мы только начали. Ну а если хочешь устроить все как в больнице, измерять температуру, я куплю себе лабораторный халат. И, если ты будешь хорошо себя вести, я буду носить его даже в спальне.

Я рассмеялась и повернулась к нему, чтобы поцеловать, зная, что он удержит штурвал. Мы страстно целовались, пока грот не начал трепетать на ветру.

– Я люблю тебя, – сказала я и вновь повернулась к штурвалу, прежде чем яхта встряла в запретной зоне.

– Я тоже люблю тебя, – ответил он и легко запрыгнул на носовую палубу, чтобы поправить стропы, пока я вела нас обратным курсом. – Кстати, когда у тебя овуляция? Хочу быть уверен, что проведу дома эту ночь.

Я улыбнулась.

– Между прочим, завтра.

Впечатленный моими организаторскими способностями, он посмотрел на часы.

– Если мы хотим поторопиться, мы можем внести в график сегодняшней вечер. Считается же с полуночи, да?

– Думаю, вполне.

– И мы убьем двух зайцев одним выстрелом.

– Это как?

– У нас будет предлог, чтобы пораньше сбежать с ужина у твоей мамы.

Я снова рассмеялась.

– Ты ужасен.

– Виновен по всем пунктам. – Он сел, закинул ноги на скамью и вновь подставил лицо солнцу. – Везите нас домой, капитан.

По палубе пронесся свежий ветерок, я подняла голову и посмотрела в ясное голубое небо. День был идеальным. Как же я любила эту жизнь!

Когда мы вернулись домой, на автоответчике мигала красная лампочка. Я сбросила туфли и нажала на кнопку, чтобы прослушать сообщение.

– Слышишь? – крикнула я Дину, который ушел в туалет. – Это Ричард. Он хочет, чтобы ты ему перезвонил.

Дин был пилотом частных самолетов, летавших в Майами и обратно, а Ричард – его начальником. Клиенты всегда были людьми богатыми, а порой и знаменитыми. Дин страстно обожал полеты и свою работу, не меньше, чем я обожала свою – по крайней мере, свое представление о ней. Три года назад я окончила киношколу, но до сих пор не сняла ни одного документального фильма. Я просто не могла найти подходящую тему, которая увлекла бы меня, и финансирование тоже было проблемой.

Дин вернулся на кухню.

– Он сказал, о чем речь?

– Нет, – ответила я. – Но он оставил сообщение всего пару минут назад. Перезвони ему. – Я протянула Дину телефон, достала из холодильника банку апельсинового сока и села за стол. Размышляя, что мне надеть на ужин к маме, я одновременно подслушивала разговор Дина с Ричардом.

– Сегодня ночью? – спросил Дин. – Но это же быстро, да? – Он посмотрел на меня, покачал головой и закатил глаза. Но выражение его лица быстро изменилось. Он оживился и отвернулся от меня. – Майк Митчелл? А Кевин точно не может? Он сильно болен?

Мои внутренности свело от ужаса. Майк Митчелл, гитарист и певец, только что ворвался на голливудскую сцену, сыграв драматическую роль второго плана в оскароносном фильме, а его новый альбом возглавил чарты «Билборда». Он был на обложках буквально всех глянцевого журналов. Дин не раз отвозил Митчелла в его роскошное жилище на берегу океана на Сент-Томасе.

Дин посмотрел на меня застенчивым взглядом, словно спрашивал разрешения. Или, лучше сказать, выпрашивал.

– Я поговорю с Оливией и перезвоню, – сказал он и повесил трубку. Я с огорченным вздохом забарабанила пальцами по столешнице.

– Ничего не говори. Ты этого хочешь.

Он чуть дернулся, будто наступил на битое стекло.

– Твоя мама вряд ли расстроится, если я не приду.

– Но я расстроюсь, – возразила я. – Я так ждала этого. Я

не видела Сару целую вечность и...

– Можешь пойти одна, – сказал он, – и вдоволь с ней пообщаться, не боясь, что я расстрою маму.

Я взглянула на него.

– А потом? Мы же хотели пойти домой и... сам знаешь.

Честно говоря, на самом деле меня так расстроило именно это, потому что в последнее время мое желание завести ребенка стало почти невыносимым. Каждый раз при виде мамочки с коляской меня охватывала тоска, а когда у меня в прошлый раз начались месячные, я плакала на полу в ванной. Рассказывать об этом Дину я, конечно, не стала.

Дин погладил меня по спине.

– Мы займемся любовью, как только я вернусь домой. С самолета – сразу в спальню, я тебе обещаю.

Я повернулась и посмотрела на него.

– И когда это будет? Тебе не придется остаться на ночь?

– Нет, – тут же ответил он. – Я скажу Ричарду, что мне надо сразу лететь обратно.

– Это ведь не только от тебя зависит, – сказала я. – Помнишь, как Майк опоздал в аэропорт и тебе пришлось превысить лимит полетного времени?

Дин тяжело вздохнул и чуть отодвинулся.

– Слушай, я откажусь, если хочешь, но это важное поручение, и, видимо, Майк лично попросил, чтобы я был за штурвалом. Если я не соглашусь, то поставлю Ричарда в неловкое положение, а ты знаешь, как он любит, когда его клиенты

счастливы.

– А ты не хочешь, чтобы твоя жена была счастлива?

Дин нахмурился.

– Ну перестань, Оливия. Ты чего? Это всего одна ночь. Я вернусь до восхода солнца.

Умом я понимала, что веду себя неразумно, но ничего не могла с собой поделать. Я была расстроена, но вместе с тем чувствовала что-то еще...

Я подождала, пока Дин перезвонит Ричарду, примет его предложение и повесит трубку, а потом молча удалится в спальню.

– Мне кажется, ты просто лицемер! – крикнула я ему вслед. Дин появился в дверном проеме и прислонился плечом к косяку.

– Ты это о чем?

Мне стоило прикусить язык, но я не остановилась.

– О твоих услугах попросил сам Майк Митчелл, и ты в восторге, потому что он звезда. Тебе это льстит!

– Ты назвала меня лицемером, – напомнил Дин.

– Да. Будь это кто угодно другой, ты бы отказался.

– Но это не кто угодно другой, – возразил он, снова исчезая в спальне. – Этот парень очень важен для компании.

Сделав глоток сока, я продолжила:

– Уверена, что Ричард нашел бы другого пилота, если бы ты отказался!

Да что со мной такое? Почему я не могла просто закрыть

тему?

– Но Майк хочет, чтобы это был я, – спокойно ответил Дин. – И я не хочу подводить Ричарда.

Я поднялась и прошла в спальню. Дин стоял у шкафа, перебирая рубашки на вешалках.

– Когда он опять тебя позовет на свою дикую вечеринку, ты тоже не сможешь его подвести?

– Ты думаешь, так все будет?

Я закрыла глаза.

– Не надо, Дин, прошу тебя. Терпеть не могу, когда ты так делаешь.

– Как?

– Отвечаешь вопросом на вопрос.

Он глубоко вдохнул и выдохнул.

– Я был на его вечеринках всего пару раз. И я уже сказал, что сразу вернусь домой.

Я постаралась поверить ему на слово и не думать о плохом. Он выбрал рубашку, проверил ее на предмет складок и достал куртку, которую недавно отдавал в химчистку.

– Прости меня, – сказала я, проводя рукой по волосам. – Я просто расстроена, только и всего.

– Понимаю. – Он стоял ко мне спиной и снимал с униформы целлофановую пленку. Я положила руку ему на плечо.

– Вот видишь, об этом я и говорила. Я едва начала переживать, что секс по графику все испортит, и вот мы уже ссоримся.

Он наконец повернулся ко мне, придвинулся ближе и обнял меня за талию, прижавшись своим лбом к моему.

– И ты меня прости. Мы хотели провести эту ночь вместе, к тому же сегодня ужин. Я должен был подумать об этом.

– Это моя вина, а не твоя. Я переживаю из-за того, что не могу забеременеть, и слишком много думаю о ребенке в последнее время. О том, в какой цвет покрасить детскую, и все такое. Сравниваю кровати разных брендов. – Я отстранилась и посмотрела ему в глаза. – Надо перестать накручивать себя. Я не хочу закончить как те двое, которые разочаровались друг в друге и оказались у психотерапевта.

Дин слегка нахмурился.

– Ты выбираешь кровати? Почему ты мне не рассказывала?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Не хотела давить на тебя. Тебе ведь не нравится, когда я не могу потерпеть.

– Когда тебе не терпелось выйти за меня замуж, мне понравилось.

Я улыбнулась, а он заправил прядь волос мне за ухо.

– Я должна была затолкать тебя в церковь прежде, чем ты поймешь, с кем связался, и передумаешь.

– Ни за что. – Он нежно поцеловал меня. – Прости, но мне пора. Ты правда не сердишься?

Я прикусила нижнюю губу.

– Хм. Только если к рассвету ты будешь в кровати. Иначе

будешь спать в конуре.

Он постучал пальцем по виску.

– Ясно. Опоздание приводит в конуру.

Я вышла, чтобы он мог спокойно одеться и собраться. Вспоминая потом этот наш разговор, я жалела, что не вела себя иначе. Не надо было так давить на него и называть его лицемером. Для нас это было больное место, потому что мой богатый папаша однажды сказал Дину в лицо, что он мне не пара и что он просто увлечен идеей отношений со мной.

Это, конечно, было не так. Я любила Дина за то, каким человеком он вырос, лишенный какой-либо роскоши в детстве и юности. В моих глазах это делало его лучше, а не хуже. Я восхищалась им и была поражена, что он любит меня.

Наутро все это меня уже не волновало. Все, что когда-либо думал о Дине мой отец, не имело никакого значения. Единственное, чего я хотела, – еще раз услышать, как ключ моего мужа поворачивается в замке. Оказаться в объятиях Дина. Еще один раз.

Глава 2. Оливия. Майами, 1990

Среди ночи зазвонил телефон. Я села в кровати, мой живот скрутило от страха, будто я уже знала, что случилось что-то ужасное. Может, это было предчувствие. Может, моя душа узрела что-то в таинственной бездне сна.

– Алло, – сказала я, глядя на пустую подушку рядом с моей и пытаюсь убедить себя, что все в порядке. Вероятно, это Дин решил все же заночевать в Сент-Томасе и поэтому позвонил.

– Это Оливия?

Но это был не Дин. Это был его начальник, Ричард. Тяжело и часто дыша, я включила лампу.

– Да, Ричард, это я. Что случилось?

На другом конце провода повисла долгая пауза, меня затошнило.

– Мне тяжело вам об этом говорить, – сказал он. – Но самолет Дина пропал.

Я откинула одеяло и спустила ноги на пол.

– Что значит – пропал? Что вы имеете в виду? Разбился? Снова тишина. Меня резко бросило в жар.

– Мы не знаем, – тихо и очень серьезно ответил Ричард. – Пока я только могу сказать, что вскоре после вылета из Сент-Томаса он связался с авиадиспетчерской службой в Сан-Хуане, а потом просто... исчез.

Я встала и вышла из спальни.

– Не понимаю, о чем вы говорите. Как он мог просто исчезнуть?

Еще одна пауза.

– Его самолет пропал с радаров.

Меня как обухом по голове ударило, и я опустилась на диван. Какое-то время я была не в силах выдать ни слова и просто сидела и ошарашенно смотрела в одну точку.

– Оливия, вы здесь?

– Да. Просто пытаюсь осознать.

– Я понимаю, это тяжело, – ответил Ричард. – Но вы можете быть уверены, что его уже ищут. Береговую охрану вызвали немедленно, и нам точно известно, где именно Дин пропал с радаров. Власти Пуэрто-Рико тоже в деле, и в этом районе находится военно-морской корабль. Сегодня ясная ночь, хорошая погода, почти полный штиль, и скоро взойдет солнце.

– Будут искать обломки, – пробормотала я, откидывая волосы назад.

– Да, и Дина. Мы все молимся за него.

Я пыталась осознать это.

– Кто-нибудь еще был с ним в самолете?

– Нет. На обратном пути должна была быть стюардесса, но она захотела остаться на Сент-Томасе. Мне кажется, между ней и Митчеллом могло что-то быть, поэтому Дин улетел один.

О господи. Я вспомнила, как заставила его сразу лететь домой, и пожалела, что не оставила ему выбора.

– Вы сказали, он связался с авиадиспетчерской службой в Сан-Хуане, – напомнила я. – У него были проблемы? Это был сигнал бедствия?

– Это неясно. Насколько я понимаю, он сообщил о тумане и о том, что у него трудности с приборами.

– А потом он просто исчез?

– Получается, что так.

– Но это же бред! Если бы приборы дали сбой, он попросил бы разрешения где-нибудь приземлиться, верно?

– Думаю, да.

– Может, из-за сбоя он потерял радиосвязь. Может, он приземлится в Майами, как и собирался. – Я посмотрела в окно на темный Атлантический океан в ярком сиянии полной луны. – Как вы и сказали, сегодня ясная ночь. Он мог бы найти дорогу назад, правда? Даже без приборов?

– Он отличный пилот, – сказал Ричард. – Но если бы он был там, радар бы его засек.

При мысли о том, что могло произойти, меня затрясло.

– Допустим, ему пришлось опуститься на воду, – сказала я. – На борту есть спасательные жилеты? Он знает, что делать в таких случаях?

Ричард вздохнул.

– Я не знаю, Оливия. Иногда пилоты могут потерять ориентацию и даже не осознавать, что падают, пока не становится-

ся слишком поздно.

Я представила себе самолет Дина в смертельной спирали, и мне стало очень плохо.

– Вы в порядке? – спросил Ричард. – Может, вы хотите, чтобы я позвонил кому-нибудь?

– Нет, – ответила я, вытирая слезы. Мое сердце колотилось как отбойный молоток. – Я позвоню маме. Но, пожалуйста, держите меня в курсе. Сообщите мне любые новости, как только узнаете.

– Конечно.

Я положила трубку и какое-то время просто сидела в оцепенении от ужаса, глядя прямо перед собой и не видя ничего, кроме жутких картин: Дин сидит в кабине и пытается контролировать дрожащий дроссель, пока самолет идет вниз... Я представляла, как он борется до последней секунды, пытаюсь поднять нос самолета, прежде чем наконец сдаться, зажмурить глаза и рухнуть в море. Сердце подпрыгнуло, и мой взгляд устремился к полной луне.

Нет. Это было невозможно. Дин не мог погибнуть. Если бы он погиб, я бы это знала. Я бы чувствовала темноту и отчаяние. Безысходность. Но этого я совсем не чувствовала. Дина искали, и я верила, что его найдут. Я верила, что мой муж благополучно посадил самолет на воду. Кто-нибудь заметит обломки, его найдут живым, и он вернется домой ко мне. Потому что если я что-то и знала о своем муже – кроме того, что он меня любит, – так это то, что он не мог не

Незадолго до рассвета приехала мама. Я попросила ее подняться в квартиру, где я мерила шагами кухню, допивая третью чашку кофе. Войдя, она обняла меня и прижала к себе.

– Ну, ну, – шептала она, когда я сломалась и заплакала, уткнувшись ей в плечо. Впервые после звонка Ричарда я дала волю слезам – похоже, находиться в отрицании было проще, чем принять возможную реальность, в которой Дин никогда ко мне не вернется.

Я вырвалась из маминых объятий, закрыла за ней дверь и прошла на кухню. Какое-то время мы обе молчали. Она поставила на стул свою розовую сумку от Гуччи и посмотрела через огромные окна на огненный восход над Атлантикой.

– Не надо было ему вчера лететь, – осуждающе сказала она. – Надо было отказаться и пойти с тобой на ужин. Тогда ничего этого не случилось бы. Но он просто не мог устоять перед своим кумиром.

Я тупо уставилась на нее.

– Серьезно, мам? Вот это ты сейчас хочешь мне сказать? Ты не можешь прикусить язык хотя бы раз и сделать вид, что тебе не наплевать на моего мужа, который может быть...

Я не могла произнести это вслух. Я не готова была даже подумать, что он действительно может быть.

Она повернулась и посмотрела на меня с обидой.

– Конечно, мне не наплевать. Просто я злюсь на него, вот и все. Я злюсь из-за того, что он поставил тебя в такое положение и причинил тебе такую боль, когда всего этого можно было бы избежать, если бы он только.

– Прекрати, мам. – Я выставила ладонь вперед. – Ты делаешь только хуже. Он согласился лететь, потому что он отличный пилот. Он любит свою работу и предан ей. И я терпеть не могу, когда ты говоришь так, будто его волнуют только деньги и престиж. Будто это единственная причина, по которой он женился на мне. Казалось бы, за четыре года нашего счастья можно было понять, что это не так.

Мама тоже подняла руку – давая понять, что она сдается. Мои плечи чуть расслабились.

– Ты права, – тихо сказала она. – Прости меня. Я знаю, что ты его любишь, и сейчас не время его критиковать.

– Да.

Отчасти мне хотелось петь Дину хвалу, пока она окончательно не признает поражение, но я была эмоционально истощена. Так что я просто вылила в раковину остатки холодного кофе и принялась скрести чашку щеткой с длинной ручкой. Я подождала, когда мое сердце успокоится, прежде чем поставить чашку на сушилку и снова посмотреть на маму.

– Будь здесь твой отец, – сказала она, направившись к дивану в гостиной, – он сейчас звонил бы кому нужно и кричал в телефон. И мы бы что-то уже знали.

Я тоже прошла в гостиную и села рядом с ней.

– Ричард пообещал, что перезвонит, как только что-нибудь узнает.

– Кто такой Ричард?

– Ричард Уокер. Начальник Дина.

Я включила телевизор и нашла вместо канала «Доброе утро, Америка» утренний выпуск местных новостей. Вскоре внизу экрана появились слова «Экстренное сообщение», и мое внимание привлекло фото Майка Митчелла.

– А вот и оно. – Я прибавила громкость. Ведущая сообщила:

– Прошлой ночью у побережья Пуэрто-Рико пропал чартерный самолет из Майами. Он возвращался из Сент-Томаса после того, как совершил рейс с музыкантом Майком Митчеллом в его частный дом. Самолет принадлежал компании «Гибсон Эйр», которая управляет парком элитных частных самолетов по всему миру. Представитель компании подтвердил, что Митчелла не было на борту, когда самолет разбился. Ведутся поиски пилота. Мы продолжим следить за развитием событий.

Она перешла к другому сюжету, и я откинулась на диванные подушки и выключила звук.

– Она сказала, что его самолет разбился, – тихо пробор-

мотала я. – Ричард такого не говорил. Он сказал «исчез».

Мама крепко сжала мою ладонь.

– Может, он не хотел тебя расстраивать.

Я знала, что она пытается поддержать меня, но ничего из того, что она сказала, нисколько мне не помогло.

– Может быть.

Мы застыли в мрачном молчании.

– В любом случае, – сказала мама, – отсутствие новостей – это тоже хорошая новость, так ведь? Если они еще не нашли обломков, у тебя есть надежда. Может, он благополучно приземлился где-то.

Я тупо уставилась на экран телевизора.

– Он не мог погибнуть, мама. Я бы это почувствовала, верно? – Я повернулась к ней. – Ведь ты же почувствовала, когда папы не стало?

– Ну конечно, – ответила она. – Но я была с ним в палате. – Она крепче сжала мою руку и снова переключила свое внимание на телевизор.

Вскоре позвонил Ричард. Когда я ответила на звонок и услышала его голос, мой желудок тревожно сжался.

– Ну как? Нашли что-нибудь?

– Пока нет, – ответил он. – Поиски продолжаются, но я только что разговаривал по телефону с авиадиспетчером в Сан-Хуане, и он зачитал мне расшифровку радиопереговоров Дина перед его исчезновением с радаров. Я попросил переслать их мне по факсу.

– Что в них? – Я чувствовала, как моя кровь закипает от прилива адреналина.

– Они довольно странные, – ответил Ричард. – И я надеюсь, мы сможем отыскать черный ящик, чтобы разобраться, что именно произошло.

– Что значит странные? Что вы имеете в виду?

Я очень хотела, чтобы он поспешил и все мне рассказал, но он, похоже, только медленно листал страницы. Я из последних сил пыталась быть терпеливой.

– Прежде чем я их вам прочитаю, – сказал он, – вы должны знать, что связь прерывалась и было много радиопомех, которые то появлялись, то исчезали, так что было трудно расшифровать слова Дина и понять, действительно ли он просил о помощи. Будь это сигнал бедствия, его поймали бы другие станции или самолеты, но до сих пор не было ни одного сообщения ни о каких сигналах бедствия. Так что это несколько необычно.

– Продолжайте, – ответила я, ходя из стороны в сторону вдоль окон. Мама сидела на диване, пристально глядя на меня.

– Сначала Дин представился и сообщил о своем местонахождении. Он был примерно в пятнадцати милях от побережья Пуэрто-Рико на высоте четырех тысяч футов, когда запросил большую высоту. Контролер понял, что это срочно, и одобрил запрос, затем стал ждать ответа, но его не было. Диспетчер продолжил попытки установить контакт, и Дин

наконец ответил. Вот что он сказал, и я прочитаю вам это в точности так, как написано: «Рейс семь пять восемь на высоте шесть тысяч футов. Я внутри странного облака. Я не знаю, как его описать. Оно поднялось из океана. Очень быстро. Я не успел набрать такую высоту, чтобы избежать его. Сейчас я как будто в туннеле. Он идет на много миль вперед, прямо на север. Впереди ясное небо. Поддерживаю скорость сто девяносто миль в час». – Ричард сделал паузу, переверачивая страницу. – Дальше еще какие-то помехи, связь прерывалась. Затем Дин сказал: «Стрелка компаса крутится. Облако вращается вокруг меня против часовой стрелки. Я увеличиваю скорость до двухсот двадцати миль в час, чтобы вырваться из него. Ясное небо впереди... примерно в миле». Диспетчер спросил: «Есть ли турбулентность?» Дин ответил: «Турбулентности нет. Ветра нет». Снова помехи, диспетчер попытался восстановить радиосвязь. Дин сказал: «Туннель вокруг меня сужается, но я все еще вижу его конец. Поддерживаю текущую скорость». – Ричард выдержал еще одну паузу. – Больше он не выходил на связь. После этого диспетчер еще около мили продолжал его отслеживать на радаре. Последнее сканирование в час двадцать восемь утра показало, что он направляется на северо-запад. При следующем сканировании экран был пуст.

Мое сердце сжалось от горя, я не могла в это поверить. Я стояла у окна и смотрела на бескрайний океан. Вдали виднелся контейнеровоз, идущий в море, и несколько неболь-

ших парусников. Я медленно вдохнула, пытаюсь осознать все, что сейчас услышала.

– Диспетчеру не показалось, что он взволнован? – спросила я. – Он не вел себя так, будто попал в беду или потерял контроль над самолетом?

– Нет. Диспетчер сказал, что Дин звучал очень спокойно и собранно, поэтому он так удивился, когда самолет исчез.

– Оливия! – крикнула мама с дивана. – В новостях еще что-то.

– Подождите секунду, – сказала я Ричарду, подошла ближе к телевизору и увеличила громкость. – Ричард, включите «Доброе утро, Америка», а потом перезвоните мне.

Я повесила трубку и встала на коврик, глядя широко распахнутыми глазами на кадры на экране – сначала фотографии самолета, на котором летал Дин, затем снимок роскошного салона с белыми кожаными сиденьями и привлекательной стюардессой в униформе. Она держала поднос с напитками. Потом появилось фото Майка Митчелла. Телеведущая говорила с ним по телефону.

– Как дела? – спросила она. – Мы все очень рады, что вы в безопасности.

– Да, – ответил Митчелл. – Я чувствую себя очень счастливым этим утром.

– Не сомневаюсь. Вы не могли бы рассказать нам, как прошел ваш полет на Сент-Томас?

– Погода была идеальной. Всю дорогу – безупречно ясное

небо. Очень плавный полет, никаких проблем. И я много раз летал с этим пилотом. Он настоящий профессионал, так что невольно задумываешься, что дело в чем-то еще.

– Что вы имеете в виду? – надавила на него ведущая.

– Ну, что это все Бермудский треугольник, – ответил Митчелл. – Это определенно не первый пропавший самолет, так что поневоле задумаешься, что же там происходит на самом деле. Люди сообщали, что видели в небе странные огни, что были искажения времени и все такое. Вспомните девятнадцатый рейс в сорок пятом году. Пять самолетов ВМС США пропали без вести во время обычных учений, и никто не нашел никаких следов. Пока шли поиски, тоже были всякие странности. Говорю вам, там что-то происходит, и, похоже, никто не в состоянии это объяснить.

Ведущая с беспокойством кивнула.

– Позвольте спросить вас вот о чем, мистер Митчелл. Вы когда-нибудь видели в небе странные огни или необъяснимые объекты?

– Ох, да господи, – сказала мама, – они хотят превратить это в цирк и начать искать маленьких зеленых человечков.

– Тихо, мам! – Я подалась вперед, чтобы лучше слышать.

– Нет, я не видел, – ответил Майк. – Но я знаю людей, которые видели. Я просто надеюсь, что с теми, кто занимается поисками, все будет в порядке и пилота найдут. Он хороший парень.

Ведущая поблагодарила Майка, показала видео со взлета-

ющими вертолетами береговой охраны и описала район поисков.

Телефон снова зазвонил. Я сразу ответила на звонок, это был Ричард.

– Вы это видели? – спросила я.

– Да, но не придавайте его словам большого значения, Оливия. Этот парень употребляет слишком много наркотиков. И явно хочет шумихи.

– Вы правда так думаете? Просто расшифровка, которую вы мне прочитали, довольно странная, вам не кажется? Я имею в виду... о чем говорил Дин? Что за облако в виде туннеля?

– Облака могут двигаться самыми разными способами и принимать самые разные формы.

– Да, но он сказал, что ветра не было. И почему стрелка компаса крутилась?

Помолчав, Ричард сказал:

– Послушайте, Оливия, я не хочу разрушать ваши надежды, но то, что сказал Дин... имеет смысл, если он был дезориентирован.

– Как это?

– Если была проблема с компасом, вполне вероятно, что другие приборы тоже отказали, и если не работал искусственный горизонт.

– Что это такое?

– Это прибор, который показывает, где находится гори-

зонт, чтобы пилот мог вести самолет ровно. Если прибор неисправен, даже самый маленький крен влево или вправо может быть незаметен для пилота, а без приборов, показывающих, что самолет теряет высоту, и без каких-либо точек отсчета внутри облака пилот не может понять, что раскрывается, пока не станет слишком поздно. Это может объяснить, почему Дин думал, что облако вращается против часовой стрелки.

Мне было трудно все это осознать.

– Но он сказал, что видит ясное небо в конце туннеля.

– Опять же, – мягко ответил Ричард. – Возможно, он смотрел на океан. Было темно, и стояла полная луна. Он мог принять отражения на воде за звездный свет.

При мысли о самолете Дина, летящем по спирали к темному морю, у меня сжималось горло, глаза горели от слез. Я не сразу смогла хоть что-то сказать.

– Спасибо, Ричард. Обещаете, что позвоните мне, если что-то узнаете? Я очень жду и надеюсь на лучшее.

– Как и я, – ответил он.

Я повесила трубку и повернулась к маме, которая обеспокоенно смотрела на меня.

– Все в порядке?

Стены будто сдавливали меня со всех сторон. Как такое могло быть? Вчера мы с Дином катались на яхте, обсуждали нашу будущую семью. Он должен был уже вернуться домой. Он обещал, что скользнет в нашу постель на рассвете и мы

займемся любовью.

Но он не вернулся. Он был где-то там. Один. И я не знала, жив он или мертв. Я продолжала цепляться за мысль, что ему удалось выжить, но стоило мне увидеть обеспокоенный взгляд моей матери, и все мои надежды рассыпались. Кожу странно колело, я начала задыхаться, мне нужна была кислородная маска. Мама вскочила с дивана и заставила меня сесть.

Глава 3. Мелани. Нью-Йорк, 1986

Дверь в кабинет психотерапевта была открыта, поэтому я робко переступила порог. За окном стеной лил дождь, и в кабинете, освещенном одной только настольной лампой в углу, было темно, хотя шторы были раздвинуты, открывая вид на улицу. Мой взгляд остановился на этом маленьком блике природы, прежде чем я посмотрела на терапевта. Он сидел за антикварным столом, но быстро встал и подошел, чтобы поприветствовать меня.

– Вы, должно быть, Мелани, – сказал он приветливо. – Я доктор Робинсон. Присаживайтесь.

Чувствуя легкую тревогу – потому что я не привыкла поверять свои тайны и опасения незнакомцам или вообще кому бы то ни было, – я сняла с плеча сумку и направилась к шоколадно-коричневому кожаному дивану, рассудив, что он предназначен для пациентов. После того как я села, доктор Робинсон опустился в большое кожаное кресло и положил себе на колени блокнот.

Мы оба молчали, пока я осматривала кабинет. Под ногами у меня лежал красный персидский ковер и панели из темного дерева с впечатляющей старинной резьбой. Повсюду были книги – сложены стопками на каминной полке, расставлены по полкам позади стола доктора Робинсона. Медная люстра над моей головой нуждалась в хорошей полировке.

– Прекрасная комната, – отметила я, стараясь не смотреть доктору в глаза. Интересно, он и правда доктор? Врач-психиатр? Или доктор наук, как я? – Что-то в духе романов Эдит Уортон.

Доктор Робинсон тоже огляделся.

– Да, думаю, вы правы. Вы поклонница Эдит Уортон?

Я пожала плечами.

– Я прочитала «Эпоху невинности» на первом курсе, во время занятий по писательскому мастерству.

Он сложил руки на коленях и склонил голову, терпеливо ожидая продолжения.

– Я специалист по естественным наукам, – объяснила я. – Мне было что читать. Учить. Решать. Чтение любовных романов было чем-то вроде летних каникул.

Он кивнул, и только тогда я позволила себе по-настоящему посмотреть на него. Интересно, сколько ему лет? Около тридцати? У него были голубые глаза и волевой подбородок. Я снова перевела взгляд – на этот раз на декоративные подушки на диване. Я расправила одну из них и попыталась немного взбить ее.

Доктор Робинсон ничего не сказал. Он просто сидел и молча наблюдал за мной. Я чувствовала себя как образец крови на предметном стекле под микроскопом.

– Так что привело вас сюда сегодня, Мелани? – спросил он, и я была благодарна, что он наконец взял на себя ответственность за разговор, потому что я понятия не имела, что

сказать. Тишина действовала мне на нервы.

– Это была не моя идея, – ответила я, дергая нитку на джинсах. – Это предложил декан физического факультета Колумбийского университета доктор Филдинг. Сказал, что они возьмут на себя все расходы.

– Понимаю. – Доктор Робинсон кивнул. – Почему же он предложил вам с кем-то поговорить?

– Потому что я не укладываюсь в срок. Я пишу диссертацию по физике элементарных частиц, – объяснила я. – Но, кажется, в последнее время я потеряла к ней интерес. Доктор Филдинг говорит, что беспокоится обо мне, – я отвела взгляд и чуть закатила глаза. – По крайней мере, так он утверждает. Я думаю, он больше беспокоится об исследовании, чем обо мне. Этот проект финансируют несколько важных спонсоров.

– О чем ваша работа?

Я встретилась взглядом с доктором Робинсоном.

– Я изучаю энергию нулевой точки – случай, когда в атоме прекращается любая активность, – и связанные с этим эффекты, которые квантовый вакуум может оказывать на самолет. Или, говоря простым языком, я пытаюсь разгадать тайну, почему самолеты пропадают без вести над Бермудским треугольником.

Он слегка откинул голову назад.

– Ух ты. Звучит очень интересно.

– Раньше я тоже так думала, – ответила я. – Конечно, са-

молеты исчезают постоянно и по всему миру, но я изучила записи Национального совета по безопасности на транспорте, и, судя по ним, над Треугольником пропадает гораздо больше самолетов, чем в других местах. И я не говорю про обычные аварии. Их можно объяснить. Я говорю о самолетах, которые пропадают бесследно, а с их исчезновениями часто связаны необычные обстоятельства, которые приводят следователей в тупик. – Я немного помолчала. – Как бы то ни было, доктор Филдинг подумал, что мне нужно с кем-то обсудить, почему все это больше меня не мотивирует.

Мой терапевт взмахнул рукой, будто дирижируя сонатой.

– А как вам кажется? Почему вы потеряли интерес?

– Ну... – Я нервно сглотнула. – Моя мама недавно умерла. Вот почему он предложил мне поговорить с кем-нибудь. Прожить мое горе.

Доктор Робинсон вновь уставился на меня так, будто пытался разглядеть с большого расстояния.

– Глубоко соболезную. Вы с мамой были близки?

Я тяжело вздохнула и поняла, что это прозвучало так, будто он разочаровал меня этим вопросом, хотя, может, отчасти так оно и было. Какой-то он был слишком предсказуемый.

– Она погибла внезапно, – объяснила я. – Это был шок. Вы наверняка слышали о недавнем торнадо над Оклахомой. Он пронесся по парку трейлеров, и много людей погибло.

– Да. Ваша мама была в их числе?

– Да.

Он нахмурился.

– Мне очень жаль. Где вы были, когда это произошло?

– Здесь, в Нью-Йорке. Я увидела это в новостях, потом мне позвонили из полиции и сообщили, что она... ну, вы понимаете... что ее больше нет.

Он сочувственно кивнул. Снова надолго повисла неловкая тишина.

– Я не была дома почти два года, – объяснила я, чувствуя необходимость уточнить. – Я даже не могу вспомнить, когда мы в последний раз разговаривали по телефону.

Когда я замолчала и опять стала дергать нитку на джинсах, он подтолкнул меня еще раз:

– Была ли причина, по которой вы перестали общаться?

Я начала понимать, как это работает. Обычный разговор похож на теннисный матч, где мяч летает туда-сюда над сеткой и оба игрока вносят равный вклад. А здесь я была только я, бьющая мячом в стену, от которой не было особого участия. Значит, мне придется говорить, иначе мы будем просто сидеть в неловком молчании.

Глядя на листву за окном, я сказала:

– Когда я уехала и поступила в колледж, я не стала поддерживать связь с ней. Я просто хотела выбраться.

– Почему?

– Потому что мое воспитание не было идеальным. – Я посмотрела на доктора, прищурившись. – Как так вышло? Это вы хотите узнать? Хотите как следует покопаться своим те-

рапевтическим совочком в моем детстве? Что ж, давайте поговорим о моей матери. Я хорошо подготовилась.

Его несколько не смутил мой снисходительный тон. Он просто пожал плечами, и я тут же почувствовала приступ раскаяния.

– Вы хотите этого? – спросил он. – Чтобы я сосредоточил внимание на вашей матери?

Я попыталась расслабиться.

– Это не имеет значения. На самом деле у меня довольно унылая жизнь. Могу вкратце рассказать, если хотите. В моем детстве мама постоянно приводила домой разных мужчин, и они жили с нами. Каждый год или два у меня был новый «папа». Долой старое, даешь новое. Большинство из них были ужасны.

– А ваш настоящий отец? – спросил доктор Робинсон. – Он вообще появлялся?

– Не-а. Я даже не знаю, кто он. Если честно, мне кажется, что и мама тоже. А если она и знала, то собиралась унести этот секрет в могилу. В общем-то, так оно и вышло. – Я помолчала, задумавшись об этом. – Ей было всего семнадцать, когда она родила меня. Бабушка тоже не знала, от кого. Во всяком случае, я так думаю.

– Расскажите мне о вашей бабушке.

Тут я оживилась, может быть, потому, что я по-настоящему гордилась своей бабушкой.

– Она была волевой личностью. Она жила в трейлерном

парке недалеко от нас, чтобы я могла ходить к ней после школы.

– Ваша мама работала?

– Да. Она работала в закусочной. Кафе было открыто до полуночи, поэтому она всегда возвращалась домой очень поздно. По крайней мере, так говорила бабушка. Может, она развлекалась. Я ее не осуждаю. Ей едва исполнилось двадцать, а у нее уже был трехлетний ребенок. Не знаю, что она делала бы, если бы бабушка не заботилась обо мне.

– Похоже, бабушка была важной частью вашей жизни. Где она теперь?

– Она умерла, когда мне было пятнадцать. Остались только я, мама и вечные мамини приятели.

Доктор озабоченно нахмурил брови. Я сразу поняла, о чем он думает, поэтому выставила ладонь вперед.

– Нет-нет, не смотрите на меня так. Ничего такого не было, поверьте мне. Ничего с отметкой 18+. Они были не такими уж плохими. Мне просто приходилось слушать вопли и крики, когда они напивались, а происходило это каждые выходные. Мама любила виски и играть с огнем.

Несколько секунд я внимательно рассматривала лицо доктора Робинсона, ошеломленная теплотой его взгляда. Удивительно, что он мог так долго смотреть мне в глаза, не отводя взгляда. Он не испытывал никакой неловкости.

– Это правда важно? – спросила я. – Обсуждать маминих бойфрендов? Моя задача – вернуться к работе над моим ис-

следованием. Выяснить, как остановить исчезновение самолетов на Багамах. Ее бойфренды – не то, о чем я должна говорить.

Оставив блокнот лежать на его коленях, он уперся локтями в ручки кресла и сложил указательные пальцы домиком.

– Мне кажется интересным, что вы произнесли слово «должна». Это вынуждает меня вернуться к тому, что вы сказали до этого: что прийти сюда – не ваша идея. Еще вы сказали, что хорошо подготовились. Возможно, вы считаете ваш визит ко мне экзаменом, который должны выдержать?

Я положила руку на сумочку.

– Не знаю. Возможно.

– А если это экзамен, то кто выставляет оценки? Декан факультета? Я? Вы сами?

Я хихикнула.

– Вы думаете, я здесь только для того, чтобы сказать то, чего от меня ждет профессор, чтобы меня не исключили из программы?

– Я этого не говорил, – ответил доктор Робинсон. – Вы думаете, что я так думаю?

Я рассмеялась, слегка запрокинув голову.

– Ух ты. От этих вопросов у меня даже голова закружилась. Мы будто ходим кругами. Как вы думаете, что я думаю о том, что вы думаете, что я думаю?

Он тоже усмехнулся.

– Я прошу прощения. Я просто хочу понять, чего вы хо-

тите добиться от этих сессий. Какова ваша конечная цель, Мелани?

– Что ж, это интересный вопрос, доктор, – ответила я с иронией. – Весьма экзистенциальный, вам не кажется?

Он ничего не сказал, так что я вынуждена была ответить ему серьезно. Я попыталась копнуть глубже, потому что он, по всей видимости, хотел от меня именно этого. Глубоких, обдуманных мыслей.

– Думаю, я просто хочу знать, на правильном ли я пути. Я всегда считала этот исследовательский проект своим призванием, но теперь я в этом не уверена. В последнее время я начала задаваться вопросом: не записалась ли я в эту программу только для того, чтобы сбежать от жизни с мамой? И мой проект кажется... даже не знаю... сейчас он кажется мне каким-то ребячеством.

Он склонил голову набок.

– Простите. Я просто пытаюсь понять. Вы думаете, что физика – это ребячество?

– Нет, конечно нет. Не в целом. Только мой проект. Наверное, он слишком личный.

– Личный?

– Простите, я чувствую себя нелепо, говоря об этом. Но, видимо, я должна говорить, если хочу, чтобы вы помогли мне разобраться в моей жизни и сказать, что делать дальше.

Одарив меня дружелюбной и открытой улыбкой, он сказал:

– Я здесь не для того, чтобы указывать вам, как жить, Мелани. Моя задача – помочь вам задуматься о том, где вы находитесь и почему. И, надеюсь, это поможет вам принимать правильные решения в будущем.

– Хорошо, – неуверенно сказала я и взглянула на напольные часы у двери. – У меня такое чувство, что я здесь уже довольно долго. Наше время почти истекло?

Он посмотрел на наручные часы.

– У нас еще есть несколько минут.

– Хорошо. Ну тогда... иногда я думаю: не даю ли пищу этой ужасной желтой прессе из супермаркетов, которая рассказывает о знаменитостях, похищенных инопланетянами, или о свинье из Арканзаса с человеческими ногами? Я беспокоюсь, что моя работа глупая.

– Лично я не думаю, что это глупо, – ответил он. – И если декан физического факультета Колумбийского университета одобрил тему... если он считает, что может быть твердое научное объяснение.

– Да, пожалуй. – Я опустила глаза. – Но иногда я задаюсь вопросом: не лучше ли отказаться от этой идеи и использовать свои исследования для чего-то другого – например, для прогнозирования опасных погодных явлений?

– Таких, как торнадо, которые проносятся по трейлерным паркам? – спросил он. Я подняла взгляд. Он был очень проникновенен.

– Может быть.

Доктор Робинсон на миг задумался, затем снова взглянул на часы.

– Похоже, сегодня у нас не осталось времени. Но это очень хорошая точка, с которой можно начать наш разговор на следующей неделе. Вы придете снова? Я хотел бы узнать больше о том, почему вы считаете тему исчезающих в воздухе самолетов слишком личной. Вы готовы будете поговорить об этом?

– Конечно, – ответила я и вдруг на секунду вновь ощутила былую страсть к моему проекту. Это было неожиданно, потому что в последнее время он вызывал у меня только скуку.

Кроме того, мне понравилось беседовать с доктором Робинсоном и я хотела его увидеть снова. Было столько всего, что мне хотелось бы обсудить, сидя на этом диване. Но больше всего я хотела узнать, важна ли моя работа или это просто глупая детская фантазия.

Глава 4. Оливия. Майами, 1990

– Спасибо, что пришли, – сказала я Саре, когда провожала их с Леоном до двери после ужина.

– Ты уверена, что справишься? – спросила Сара, обнимая меня. – Мы можем остаться подольше, если хочешь.

– Я ценю это, но я справлюсь. Со мной мама.

Леон тоже обнял меня.

– Держись. Дай нам знать, если тебе что-нибудь понадобится.

– И мы вернемся завтра, – добавила Сара, когда они уже шли к лифту.

Я закрыла за ними дверь и опустилась на диван рядом с мамой, которая напряженно вглядывалась в экран.

– Не понимаю, – сказала она. – Это главная новость страны.

– Думаешь, из-за того, кто мы такие? – спросила я. Мой покойный отец нередко появлялся на первых полосах газет в связи со своей коммерческой деятельностью. Однажды, в конце семидесятых, он даже украсил собой обложку «Форбс». СМИ не понадобилось бы много времени, чтобы изучить личную жизнь Дина и увидеть связь.

– Возможно, – ответила она. – Но в основном, я думаю, из-за того, что Майк Митчелл сказал сегодня утром по национальному телевидению. Из-за этого все и разгорелось.

Мы часами смотрели Си-эн-эн. Сначала их репортер на месте событий в Сан-Хуане рассказывал о ходе поисков, а теперь сплошным потоком шли интервью с так называемыми экспертами о других необъяснимых паранормальных явлениях над Бермудским треугольником. Я села на диванную подушку и взяла пульт, чтобы прибавить громкость.

– Что говорит этот тип?

Гостем студии был яхтсмен, часто плававший вокруг Багамских островов.

– В жизни ничего подобного не испытывал, – сказал он. – Я был у берегов Нассау с командой из пяти человек, день выдался ветреный, вода была довольно беспокойной. И вот мы видим туман впереди, но не обычный туман – он был густым, как молоко, и, казалось, двигался к нам, потому что мы шли не так быстро. А потом бац – и мы внутри него, как будто прошли сквозь стену, и я даже не вижу воды за бортом. Внизу такое же молоко. Я слышу, как мой первый помощник кричит с мостика, бегу посмотреть, в чем дело, а наш компас сходит с ума, крутится как бешеный. Все приборы выходят из строя. Радио не работает. Мы были в панике, пока вдруг не вышли из тумана на солнечный свет! Но на самом деле мы не прошли через него – мы как бы оказались в дырке от пончика. Со всех сторон было это молоко, которое образовало вокруг нас идеальный круг. И ветра не было. Полный штиль и мертвенная тишина. Это было как-то жутковато, если честно. Никто не сказал ни слова. Мы все были ошелом-

лены. Мы плыли около минуты, затем молочная стена опять налетела на нас, и вот мы уже снова в беспокойной воде с сильным ветром.

– Невероятно, – ответил телеведущий. – И приборы снова заработали?

– Да, как только мы вышли из тумана, электричество снова включилось. Но в тот же день мы узнали о грузовом судне, которое исчезло примерно там же вскоре после нашей странной истории. Радиосвязь с ними пропала, и никаких обломков или доказательств, что судно затонуло, так и не нашли. Сигналов бедствия не поступало, так что это загадка и по сей день.

В приступе паники я схватила пульт и выключила телевизор.

– Я больше не могу это выносить. – Я зажмурилась и прижала ладони ко лбу. – Я не хочу слушать о пропавших кораблях. Я просто хочу, чтобы моего мужа нашли.

Мама пододвинулась ближе и положила руку мне на плечо.

– Его по-прежнему ищут, – сказала она. – И, может, внимание СМИ – это даже хорошо. Чем больше людей об этом узнает, тем серьезнее будут следить за поисками.

Я откинулась на спинку кресла и попыталась взять себя в руки.

– Ты права. Это может помочь. – И я вновь включила телевизор.

Глава 5. Мелани. Нью-Йорк, 1986

Я постаралась не закатить глаза, потому что после недели размышлений о нашем разговоре я была убеждена, что мой терапевт просто шутил надо мной, когда делал вид, будто серьезно относится к моему проекту.

Избегая его взгляда, я любовалась стоявшей в углу комнаты лампой с бахромой, свисающей с абажура. Снова, как и на прошлой неделе, шел дождь, и в мокрой одежде мне стало холодно и неуютно.

– Еще один пасмурный день, – сказала я, уклоняясь от его вопроса. – Приходится включать лампы посреди дня.

– С другой стороны, можно сказать, что они призывают солнце на завтра. – Он тепло улыбнулся мне.

– Вам нравится ваша работа? – спросила я.

– Да, – ответил он.

– Повезло вам. А я даже не знаю, что буду делать с этой степенью, когда получу ее. Если получу.

– Это вас беспокоит? – спросил он, чуть подавшись вперед. – Что вы не закончите начатое?

– Не знаю.

Я не стала развивать мысль, и он задал другой вопрос:

– На прошлой неделе вы упомянули, что считаете свой проект слишком личным для вас. Не могли бы вы рассказать почему?

Я сбросила мокрые туфли, поджала ноги под себя, прижала к груди одну из декоративных подушек – ту, что с кисточками. Я долго собиралась с мыслями, а капли дождя стучали по оконному стеклу как галька.

– Когда я была маленькой, – наконец сказала я, – я часто ночевала в бабушкином трейлере. Он был очень уютным, чем-то похожим на ваш кабинет. Повсюду большие стопки книг и высокая напольная лампа, такая же, как у вас. – Я сделала паузу, доктор Робинсон терпеливо ждал, пока я продолжу. – На стене в гостиной висела старая черно-белая фотография дедушки. Я не знала его, потому что он умер задолго до моего рождения, но на этой фотографии он выглядел как настоящий герой. Во время Второй мировой войны он был летчиком. На фото он в кожаном бомбере и элегантном кепи стоит на крыле самолета и улыбается так уверенно... Я могла часами смотреть на эту фотографию. Мне казалось, что он улыбается именно мне.

– Ваша бабушка когда-нибудь говорила о нем?

– Еще бы! Постоянно. Она рассказывала мне, каким он был чудесным человеком. Достойным и порядочным. Настоящим джентльменом. Оглядываясь сейчас назад, я думаю, что она пыталась показать мне, каким должен быть муж и отец. Она знала, что я вижу дома, – мама вечно влюбляется во всяких неудачников, которые не могут удержаться ни на одной работе, зато критикуют то, что она готовит. Или называют ее никчемной и в конце концов бросают. – Я вздохнула

и посмотрела в глаза доктору Робинсону. – Она не хотела, чтобы я стала такой, как мать: заикленной на внешности, готовой съехаться с кем угодно, кто свистнет ей в баре. Она хотела, чтобы я следовала за своими мечтами.

Доктор Робинсон кивнул.

– А сейчас, как вам кажется, вы следуете за ними?

Я наклонила голову и посмотрела на него.

– Разве мы здесь не для того, чтобы ответить на этот вопрос?

Его руки были сжаты в замок, но он разжал их, как бы говоря: «Не знаю, для этого?» Я посмотрела на него.

– Ну хорошо. Если вы заставляете меня отвечать на каждый возникающий вопрос...

– Я вас не заставляю, Мелани, – тут же перебил он. – Здесь безопасно. Это не экзамен, вам не ставят оценки. Мы можем говорить о чем угодно. Никакого давления. Никаких ожиданий. Никакого осуждения.

При этих словах я испытала облегчение, потому что в последнее время – а на самом деле всю свою жизнь – давила на себя, чтобы не стать такой, как мать.

– Давайте вернемся к фотографии дедушки, – сказал доктор Робинсон. – Вы сказали, что он был пилотом.

Я вдруг осознала, что мне начинает нравиться психотерапия. Где еще можно целый час говорить о себе с человеком, который ловит каждое твое слово?

– Да. Вышло так, что дедушка, которого я никогда не зна-

ла, в сорок пятом году пропал у берегов Флориды во время обычных учений. Это была большая новость в то время. Его называли Рейс Девятнадцать. Пять самолетов, исчезнувших бесследно. Поищите информацию об этом.

– Я уже искал, – ответил он. Я вскинула брови.

– Вы уже искали?

– Да. После того как вы на прошлой неделе рассказали мне о своей диссертации, мне стало любопытно. Меня всегда интересовала авиация. – На этом он остановился, и это меня расстроило. Я хотела узнать о нем чуть больше, но, как обычно, он перевел разговор на меня. – Невероятно, что ваш дедушка был одним из тех пилотов.

– Да, это моя претензия на славу, – сказала я с комической гордостью, будто развлекала гостей на вечеринке. Доктор Робинсон взял ручку и что-то черкнул в блокноте, потом снова перевел взгляд на меня.

– Итак, вас с самого детства интересовали исчезающие самолеты, и вы решили посвятить свою жизнь области науки, которая потенциально может разгадать знаменитую тайну. К тому же это очень личная для вас тема, в какой-то мере связанная с вашей семьей. Особенно с вашей бабушкой, которую вы очень уважали и уважаете до сих пор. Но в последнее время вы почему-то потеряли интерес к работе. Ваши преподаватели, кажется, думают, что это как-то связано со смертью вашей мамы и горем, которое вы переживаете. Давайте поговорим об этом.

– А это обязательно? – спросила я.

– Вы не хотите? – Он внимательно изучал выражение моего лица. Всякий раз, когда он так на меня смотрел, у меня в животе возникало чувство, будто я высоко поднялась на американских горках и резко съехала вниз. Я стала крутить кисточку подушки между пальцев.

– Я уже рассказала вам, каково было расти с ней и потенциальными отчимами, которые постоянно появлялись и исчезали. Уверена, вы смотрите на меня и думаете, что перед вами хрестоматийный пример девочки, у которой проблемы с мамой; девочки, которой нужно смириться с прошлым и признать, что она не продолжение своей матери, научиться отделять чувства по поводу ее смерти от своей работы.

Он посмотрел на меня с сочувствием.

– Обычно все гораздо сложнее. Но вы, похоже, разобрались с терапевтической программой.

– Вот как? – Я засмеялась, но в глубине души была польщена и обрадована его словами. – Ну что тут скажешь? Я всегда была сообразительной. Иначе я бы до сих пор торчала в Оклахоме. Или, может, шла бы по дороге из желтого кирпича вместе с Дороти и Тото¹. – Я усмехнулась и тут же испугалась, что он подумает, будто я с ним флиртую. – Шутка про торнадо, – пояснила я. Он кивнул и поднял перед собой руку.

---

¹ Отсылка к книге Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз».

– Я понял.

Больше он ничего не сказал, и у меня сложилось четкое впечатление, что он хотел немного ослабить поводья и позволить мне свободно говорить обо всем, о чем я хочу говорить, не только о матери. Я расслабилась, и мне было не страшно говорить на другие личные темы, что не было на меня похоже. Я всегда была закрытым человеком, мне трудно было сближаться с людьми. Большинство тех, кого я считала своими друзьями, были просто знакомыми или коллегами. Вот почему я жила одна.

Я по-прежнему сидела поджав ноги, и моя правая ступня затекла, поэтому я опустила ноги на пол и вновь обулась. Затем я поймала себя на том, что смотрю на книжные полки доктора Робинсона.

– Ничего, если я взгляну на ваши книги? – спросила я. – Мне нужно немного размяться.

– Не стесняйтесь, – дружелюбно ответил он, взмахом руки как бы говоря: добро пожаловать, исследуй мой мир.

Он остался сидеть и наблюдал, как я подошла к книжному шкафу и стала осматривать корешки, проводя по каждому пальцем. Там было несколько учебников по психологии и впечатляющая коллекция книг о помощи самому себе с такими названиями, как «Одаренный ребенок», «Дети родителей-алкоголиков» и «Пережить смерть супруга».

– Вы когда-нибудь читали просто для удовольствия? – спросила я, поглядывая на него через плечо.

Он тихо рассмеялся, затем нагнулся к ящику рядом со своим креслом и достал оттуда «Талантливого мистера Рипли»². В душе я обрадовалась, обнаружив, что мой терапевт – обычный человек, у которого есть личная жизнь за пределами этой комнаты. На прошлой неделе я заметила, что он не носит обручальное кольцо, и поймала себя на том, что думаю: есть ли у него вторая половинка? Или он такой же, как я? Одиночка, в жизни которого главное – наука?

– Я полагаю, что каждый пациент, который приходит сюда, для вас как новый проект, – сказала я. – Головоломка, которую нужно решить. Наверное, это очень сложно. Но стоит усилий.

– Да, когда все идет хорошо.

Я закончила исследовать его книжный шкаф и вернулась на диван.

– Так о чем мы говорили?

Он сверился с блокнотом на коленях и покрутил в пальцах ручку, будто она была крошечной битой.

– Мы говорили о вашем дедушке-пилоте, и я поторопился, пытаясь слишком быстро решить вашу головоломку, хотя очевидно, что мне еще многое предстоит о вас узнать.

Его слова были мне очень приятны, ведь они означали, что он видит во мне интересную и глубокую личность. Никто до него не хотел погружаться в мою душу. Кроме бабушки, но ее давно не стало.

---

² Психологический триллер Патриции Хайсмит.

– Вы, должно быть, успешный человек, – заметила я с улыбкой. – Если готовы решать проблемы других людей.

Он одарил меня заговорщицким взглядом, означавшим, что я права, но он мой терапевт, и мы здесь не для того, чтобы говорить о нем. Поэтому он загнал меня обратно в стойло.

– Вы дали понять, что не хотите сегодня говорить о своей матери, – сказал он. – Тогда о чем вы хотели бы поговорить?

– Боже правый, – сказала я. – Даже не знаю. Можно говорить о чем угодно?

– Конечно, о чем вы хотите.

– Что ж, хорошо. – Я задумалась. – Давайте поговорим о моей диссертации.

– Замечательно.

– Что бы вы хотели узнать? Потому что, честно говоря, я не знаю, с чего начать.

– Вы могли бы, – он жестом указал на меня, – рассказать мне о своей гипотезе. О том, что вы хотите доказать.

– Хорошо. Я знаю, что происходит, доктор. Вы пытаетесь пробудить мою былую страсть. Все в порядке. Я понимаю. Ваша цель – снова мотивировать меня, а за наши встречи платит заведующий кафедрой физики.

– Моя цель имеет для вас значение? – спросил доктор Робинсон.

– Пожалуй, – ответила я. – Думаю, мне просто интересно, с какими намерениями вы во мне копаетесь.

Он усмехнулся.

– Я лишь пытаюсь делать свою работу. Пытаюсь помочь вам посмотреть внутрь себя, стать настолько самосознательной, насколько это возможно. Жизнь становится легче, когда знаешь себя. Когда можешь принять свое прошлое и свои ограничения и осознать свои сильные стороны и желания. Когда действительно знаешь, кто ты и чего хочешь, и не пытаешься быть кем-то другим.

– Это очень вдохновляет. – Я вздохнула и почувствовала, как мое лицо принимает озадаченное выражение. – Если не возражаете, я спрошу... сколько вам лет? Вы так зрело рассуждаете, но выглядите совсем молодым.

Он не ответил, и я почувствовала, что ему неловко.

– Простите. Это нарушение правил? Мне не надо было спрашивать?

Его плечи чуть расслабились.

– Все в порядке. Мне двадцать восемь.

Я чуть не упала с дивана.

– Всего двадцать восемь?

– Вас это удивляет?

– Ну... да. Вы выглядите гораздо старше. Может, из-за того, что вы сидите в этом глубоком кресле скрестив ноги и даете отеческие советы.

– Вас беспокоит, что я молод?

– Не знаю.

– Вы не уверены?

Я задумалась.

– Нет, на самом деле все хорошо. У вас есть степень, и вы, конечно, высококвалифицированный специалист. Простите, что сказала, будто вы выглядите старым. Я не хотела вас оскорбить. Уверена, если бы я увидела вас на улице пинающим футбольный мяч, я бы восприняла вас по-другому.

Он вновь посмотрел в свой блокнот и что-то записал.

– Хотела бы я знать, что вы обо мне пишете, – сказала я.

– Ничего особенного. Я пишу, чтобы не забыть, о чем мы говорим на наших сессиях.

Я хмыкнула и смущенно отвела взгляд.

– Теперь мне стыдно.

– Почему же?

– Потому что я сказала, что вы в этом кресле похожи на отца. Я так и вижу диагноз: пациент отчаянно нуждается в фигуре отца. Так вы написали?

Он отложил ручку, вновь сцепил руки.

– Нет, Мелани, не так. Я лишь записал, что вы удивились, узнав мой возраст. Но давайте обсудим вот что, если вы не возражаете. Вы уже не в первый раз пытаетесь угадать, что я о вас думаю. Как будто хотите быть на шаг впереди меня.

– Может, я упустила свое призвание, – сказала я. – Может, мне следовало стать психотерапевтом, а не физиком.

Он не ответил, и я простонала:

– Господи, я такое клише. Мне нужна была фигура отца, я увидела фотографию дедушки и подумала, что хотела бы воскресить его из мертвых. Вот почему я занимаюсь иссле-

дованием.

– Остановитесь. – Доктор Робинсон поднял руку. – Так вы оставите меня без работы.

Я рассмеялась.

– Да уж. Может, я и правда упустила свое призвание.

– Вы так думаете?

Я покачала головой.

– Не знаю. Может, мне просто надо закончить начатое, получить степень, а потом все это переосмыслить. Мне всего двадцать четыре. Возможно, все идет как надо. Я могу разгадать тайну Бермудского треугольника, которая не давала мне покоя все детство и юность. То есть я в жизни не получила бы все эти стипендии, если бы не моя безумная страсть к науке. Благодаря ей я попала в программу для одаренных, где все преподаватели, знавшие о моей несчастной жизни, хотели помочь мне добиться успеха. Итак, я живу в Нью-Йорке и вот-вот получу докторскую степень в области физики элементарных частиц. Это впечатляет, правда? Мне было всего шестнадцать, когда я поступила в колледж. Я должна гордиться собой.

– Да, вы должны, – ответил он, и я увидела в его глазах искреннее уважение и восхищение. Я была совершенно потрясена. Раньше никто так на меня не смотрел.

Доктор Робинсон взглянул на часы.

– Наше время вышло, – сказал он извиняющимся тоном. – Я запишу, на чем мы остановились, и мы сможем продол-

жить на следующей неделе.

– Хорошо. – Я взяла сумочку, и он проводил меня до двери, где я ненадолго остановилась. – Я знаю, это всего лишь вторая наша сессия, но я чувствую, что терапия мне помогает. Я просто хочу, чтобы вы это знали. У меня появилась надежда, что я найду выход и закончу диссертацию.

– Я рад это слышать. Возможно, будущие пилоты, летающие с Бермудских островов, тоже будут вам благодарны.

Я спустилась по лестнице в приемную, взяла в фойе зонтик. Выходя из клиники, расположенной в красивом каменном особняке в Верхнем Вест-Сайде, я собиралась раскрыть зонт, но дождь уже закончился, и подернутые дымкой солнечные лучи пробивались сквозь листву деревьев, отражаясь в лужах. Блики слепили, и мне приходилось щуриться. Затем я подняла глаза и посмотрела на небо.

Было что-то невероятное в тумане, который плыл и искрился в лучах света после ливня. Он напомнил мне о серовато-белой дымке, описанной в отчете о полете, который я недавно изучала. Пилот рассказывал о длинных горизонтальных линиях в «электронном тумане», образующем вихрь, из которого самолет вылетел с невероятной скоростью. Пилот также упомянул ощущение невесомости в момент, когда он выходил из так называемого туннеля.

Я остановилась на тротуаре и задумалась об этом. Возможно ли, что эти облака состоят из заряженных частиц из геомагнитной бури? Могло ли это при определенных обстоя-

тельствах вызвать гиперускорение и перегрузку, которых было бы достаточно, чтобы разбить самолет вдребезги? Или даже протолкнуть его через проходимую червоточину? Может быть, в другое измерение времени?

Воодушевленная, я ускорила шаг и пошла в сторону метро, чтобы вернуться в лабораторию.

Глава 6. Оливия. Майами, 1990

Я застыла с чашкой чая у большого окна в нашей квартире. Парусник шел от пристани к открытой воде. Солнце стояло высоко в небе, дул легкий ветер с запада. Я завидовала этим пассажирам – кем бы они ни были, – которые отправлялись хорошо проводить время. Интересно, будет ли мне когда-нибудь снова хорошо? Смогу ли я приятно провести день? Чувствовать себя благословленной и благодарной за свою счастливую жизнь?

Мама вернулась домой. Эти пять дней она провела у меня, ночуя в комнате для гостей и оставляя меня лишь ненадолго, чтобы принести свои вещи или что-то из еды, хотя пища меня мало интересовала. Я ценила присутствие мамы и ее эмоциональную поддержку, но теперь, когда поиски были окончены, мне хотелось только одного – побыть в одиночестве. Мне нужна была тишина – чистая, абсолютная тишина, – чтобы попытаться принять то, к чему меня подталкивали все: что Дин потерян навсегда.

Это было непросто. И еще хуже было из-за таблоидов, которые наперебой печатали возмутительные статьи: «В Море Судьбы замечены гигантские змеи!», «Летающие тарелки напугали пассажиров роскошного круизного лайнера!», «Правительство скрывает правду!».

Я не могла перестать думать о том, что сказал в новостях

Майк Митчелл. Что, если он был прав? Что, если приборы Дина вышли из строя из-за какой-то необъяснимой сверхъестественной силы природы? Что, если он все еще жив? Это по-прежнему было возможно, верно? Я не верила ни в морских монстров, ни в НЛО, но ведь обломки самолета так и не нашли. Как и тело. Возможно, Дин благополучно посадил где-то самолет, но пострадал и должен был прийти в себя, прежде чем найти дорогу домой.

Я не могла оставить надежду. По крайней мере, пока. Если он был жив, ему нужно было, чтобы я держала для него свет в окне.

Зазвонил телефон. Я отвернулась от яркого солнечного света и ответила на звонок.

– Да?

Это была Сара.

– Привет, сестричка. Как дела?

– Как и следовало ожидать. – Я подошла к дивану и представила, что на нем сидит Дин, положив ноги на журнальный столик, и смотрит баскетбольный матч. Вместо того чтобы сесть, я повернулась и пошла обратно на кухню. – Ты уже знаешь, что поиски прекращены?

– Да. Да. Мне очень жаль.

– Мне тоже. – Чай давно остыл, так что я поставила чашку в раковину. – Но я не теряю надежды. Завтра я позвоню в комитет по регулированию, который занимается расследованиями авиакатастроф, узнаю, к какому заключению они

пришли, и постараюсь быть в курсе событий, потому что все это очень подозрительно, тебе так не кажется? Ведь не мог же Дин просто раствориться в воздухе? Что-то тут не так.

– Ох, Оливия. – Она вздохнула. – Надеюсь, ты не веришь во все эти безумные истории из желтой прессы?

Я печально покачала головой.

– Не знаю. То есть... конечно, нет. Но как может целый самолет просто взять и исчезнуть? Я хочу знать, как они это объяснят.

– Я понимаю, что тебе нужны ответы, – мягко сказала Сара. – Будь на его месте Леон, я чувствовала бы то же самое. Мне жаль, что у этой истории никакого финала...

Мой пульс участился.

– Терпеть не могу это слово. Все твердят про какой-то финал.

– Ну хорошо.

– Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты хочешь, чтобы я приняла, что Дин не вернется, но я буду честной. Я не уверена, что это так. Я еще чувствую, что он здесь, со мной.

– Понимаю, – с сочувствием ответила она, но я знала, что она думает: нужно дать мне время, и в конце концов я приду в себя и пойму, что Дин не мог выжить в крушении самолета над водой, а таблоиды просто пытаются навариться на этой истории.

– Мне пора, – сказала я, потому что не хотела и думать ни о каком финале. Было слишком рано. Я не готова была

двигаться дальше.

Положив трубку, я вернулась к окну, чтобы посмотреть на воду. Парусник превратился в маленькое, едва различимое пятнышко на горизонте. Скоро я вообще не смогу его видеть, но это не значит, что он перестанет существовать.

Проснувшись следующим утром, я на краткую, мимолетную секунду забыла, что Дин исчез. Когда я открыла глаза, мир показался мне прежним, но потом я вздохнула и вспомнила.

Агония утраты снова обрушилась на меня как горячий сильный ветер. У меня болела грудь, сжимались легкие. Господи. Это было на самом деле. Все сдались. Поиски были закончены. Никто больше не искал Дина. Его считали мертвым.

Я перекатилась на бок и уставилась на пустую половину кровати. Положила руку на мягкую подушку Дина, потом прижалась к ней и уткнулась лицом, глубоко дыша, отчаянно и неистово желая вдохнуть его запах, ощутить его в своем теле. Но у меня ничего не выходило, я вообще его не чувствовала, и это меня потрясло. Я плакала и кричала в мягкий пух, пока наволочка не пропиталась моими слезами.

Где он? Один где-то в бескрайнем открытом море?

Или где-то еще, в другом измерении Вселенной, по-прежнему летит на самолете и думает, что все в порядке?

Или на небесах?

Господи. Пожалуйста, только не это.

Меня трясло от мучительных рыданий в полумраке пустой комнаты. Пожалуйста, Дин... если ты там... если ты меня слышишь... вернись домой.

Через час я включила телевизор. Новостей об авиакатастрофе, если можно ее так назвать, больше не было. Теперь главной новостью была история о сенаторе, которого поймали на воровстве в магазине в Атланте. В газетах о Дине тоже ничего не было, даже короткой заметки на десятой или одиннадцатой странице.

Я не знала, чем себя занять, поэтому закрыла глаза и представила наше с Дином обычное воскресное утро, когда мы сидели за кухонным столом, читали газеты, потягивали кофе и думали, что приготовить на завтрак – яичницу или блины? Или и то, и другое? Обычно мы останавливались на третьем варианте, и Дин всегда стоял за сковородой и переворачивал блины, пока я жарила яичницу. Вспомнив об этом, я улыбнулась, но затем ощутила всю боль утраты. Когда я открыла глаза, я едва могла видеть сквозь слезы.

Я пыталась вздремнуть днем, но это было бессмысленно, потому что я не могла перестать смотреть на телефон, ожидая, когда он зазвонит, когда кто-нибудь свяжется со мной, чтобы сказать, что Дин нашелся.

Позже я сидела на кухне, все еще не сводя глаз с телефона, и наконец он зазвонил, нарушив невыносимую тишину. Я вскочила и, чуть не опрокинув стул, метнулась к нему. Едва взяв трубку, я тут же выронила ее, она ударилась об пол, и я

неловко схватилась за шнур, чтобы потянуть ее к себе.

– Алло? – с тревогой сказала я, боясь, что связь прервалась.

– Добрый день. Это Оливия Гамильтон?

– Да. – Я прислушивалась, как дикий лесной зверь, настроженный и готовый действовать.

– Это Майк Митчелл. Я был в самолете с вашим мужем за несколько часов до его исчезновения.

Мое сердце прыгнуло в груди. Не зная, чего ожидать, я прислонилась к кухонной стойке и потерла затылок.

– Да, я знаю, кто вы, – ответила я, оценив, что он сказал «исчезновения», а не «крушения».

– Я слышал, что поиски прекращены, – сказал Майк. – Соболезную.

– Спасибо.

Какая-то злая часть меня хотела сказать: у тебя хватает дерзости мне звонить? Это все твоя вина. Если бы ты не решил лететь в особняк той ночью, Дин еще был бы здесь.

Но я этого не сказала, потому что это было бы несправедливо. С тем же успехом я могла обвинить Ричарда или другого пилота, который заболел и которого пришлось заменить в последнюю минуту. Или себя за то, что велела Дину сразу лететь домой.

– Как вы держитесь? – спросил Майк.

– Если вам правда интересно, то не особенно хорошо. – Мне пришлось постараться, чтобы мой голос звучал ровно. –

Я просто не понимаю, как они могли прекратить поиски, если ничего не нашли. Я имею в виду, он ведь должен быть там, верно? Самолет не может просто так исчезнуть.

– Ну, тут есть что обсудить, – сказал Майк. – Но я вас понял.

Я покачала головой, заставляя себя оставаться разумной, не увлекаться странными, нелепыми теориями, которые были повсюду последние несколько дней, но это было нелегко.

Майк глубоко вздохнул.

– Я даже не был уверен, стоит ли вам звонить. Мне говорили, что лучше оставить вас в покое и не давать вам ложных надежд, но я по крайней мере должен был выразить свое сочувствие и сказать вам, как мне жаль.

– Спасибо. Но какие ложные надежды вы имели в виду? Что именно?

Я должна была это знать.

Он прочистил горло.

– Ну... слушайте. Один мой друг изучал кое-что насчет Треугольника. Он умный парень с научным образованием, и у него есть несколько интересных идей по поводу того, в чем там дело.

Неделю назад я бы только закатила глаза, но теперь, когда поиски были прекращены, я отчаянно нуждалась в любых новых сведениях.

– Продолжайте, – велела я, оттолкнулась от стойки и принялась измерять шагами кухню.

– Вы знаете о Рейсе Девятнадцать? – спросил Майк.

– Вы упомянули его в новостях, – ответила я.

– Верно, и это не единственный загадочный случай. И я не имею в виду всю ту чушь, которую печатают в желтой прессе. Не обращайтесь на это внимания.

– Тогда о чем вы?

– В общем... – Он помолчал. – В семьдесят восьмом году в Сент-Томасе при заходе на посадку пропал самолет. Он был на радаре, и авиадиспетчер видел его приближение – своими глазами. Он прикинул, что самолет был всего в двух милях. На секунду он посмотрел на радар, и – бум! – самолета как не бывало. Объявили ЧП, начали поиски, но никаких следов так и не нашли. В двух милях от аэропорта. Это реальная история. Можете проверить.

– Как они вообще это объяснили? – спросила я.

– Они ничего не объясняли. А некоторые официальные сообщения о других исчезновениях сильно отредактированы. Были и другие странности: например, они нашли обломок исчезнувшего самолета, на котором была магнитная частица, но не смогли определить, что это за частица. Так откуда она взялась? Куда делся весь остальной самолет?

– Вы говорите об НЛО? – спросила я. Несмотря на мое желание зацепиться за любую возможную теорию, подразумевавшую, что Дин не погиб в авиакатастрофе, мой мозг не мог принять, что его похитили инопланетяне.

– Не знаю, – сказал Майк. – Возможно, в нашей атмосфере

ре есть электромагнитные возмущения, которые ученым еще предстоит исследовать. Подумайте об этом. Теория относительности Эйнштейна была опубликована только в этом столетии. Нам еще есть чему учиться, верно? Только представьте себе все, что физики еще не выяснили о гравитации, кротовых норах и искривлениях времени. Мы не знаем, чего мы не знаем!

Я тяжело выдохнула.

– Я просто хочу, чтобы мой муж вернулся.

– Простите. Я не хотел вас грузить. Мне просто кажется странным, что это произошло.

– Мне тоже. – Накручивая телефонный шнур на указательный палец, я думала обо всем, что он мне только что сказал. – Не могли бы вы назвать мне имя вашего друга, который изучал пропавшие самолеты? Вдруг он поможет?

– Конечно. Он школьный учитель на пенсии, живет в пригороде Майами. Его зовут Брайс Робертс. Я уже говорил с ним об этом, так что его не удивит ваш звонок.

Майк дал мне номер телефона мистера Робертса, и я записала его в блокнот.

– Большое спасибо.

– Не за что. Удачи. И дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится. Я хотел бы помочь. Я помешан на этом.

Я положила трубку и подумала, что сказал бы Дин, узнав, что я звоню совершенно незнакомому человеку по поводу кротовых нор и искажений времени. Я была абсолютно уве-

рена, что он попытался бы отговорить меня от этого.

Друг Майка Митчелла, Брайс Робертс, оказался человеком эксцентричным – мягко говоря, если учесть, что он каждую ночь спал в бомбоубежище на своем заднем дворе и заколотил свой дом досками, чтобы русские не проникли в его систему водоснабжения с помощью спутниковых технологий.

Он считал, что самолет Дина поглотил инопланетный корабль-база. Он посоветовал мне не терять надежду, потому что Дин, скорее всего, жив и здоров и вернется ко мне спустя годы, не постарев ни на день. Если я по-настоящему его люблю, сказал Брайс, я дождусь его, потому что, хотя я и состарюсь, ему понадобится моя поддержка в мире, который будет сильно отличаться от того, который он оставил.

Дальше – хуже. Брайс провел меня в свой бункер и показал мне пробковую стену с газетными статьями, посвященными катастрофе в Розуэлле в 1947 году.

– Что вы скажете вот об этом? – Он хлопнул ладонью по черно-белой фотографии крытого моста. – В шестьдесят девятом не менее сорока человек видели НЛО в Массачусетсе, а одна семья из своей машины наблюдала огни, исходившие из леса возле этого моста. В следующую секунду они обнаружили себя в гигантском ангаре с другими людьми в каком-то потустороннем месте, а затем, как по волшебству, снова оказались в своей машине два часа спустя.

Брайс рассказал мне еще несколько историй о похищении-

ях инопланетянами. Затем он предложил мне ЛСД, и я поняла – пора уходить.

Во время двухчасовой поездки домой я чувствовала себя очень глупо, потому что всегда считала себя разумным человеком, но я не казалась себе разумной, когда приехала домой, поставила машину в гараже и разрыдалась, склонившись над рулем.

В конце концов я выпрямилась, нашла салфетку в сумочке, высморкалась, а затем вышла и побрела к лифту.

Через некоторое время я зашла домой и теперь снова стояла у окна и в оцепенении смотрела на еще один парусник, отплывавший от пристани в открытое море. Меня вдруг замутило, и мне пришлось присесть и дожидаться, пока тошнота не пройдет.

– Мне кажется, у меня депрессия, – сказала я маме, когда она позвонила.

– Конечно. Ты только что потеряла мужа. Тебе нужно пережить горе. Нужно с кем-то поговорить об этом.

– Может быть, – ответила я, разогревая на плите банку куриного супа с лапшой и гадая, что подумал бы Дин об этом предложении. Посоветовал бы он мне это? – Полагаю, ты хочешь сказать «я же тебе говорила»?

– Ты имеешь в виду того чокнутого конспиролога? Да, именно это я и хочу сказать, но не буду. Мне кажется, ты и сама уже поняла все, что должна была понять.

– Что мне не следует лезть глубже в эту кроличью нору? –

сухо сказала я.

– Именно.

Я ненадолго задумалась об этом, а потом тяжело вздохнула.

– Но я отчаянно нуждаюсь в объяснении. Я не могу вечно жить в неведении, задаваясь вопросом, что случилось с Дином, так и не дойдя до какого-то финала.

Я впервые употребила это слово, но встреча с Брайсом была для меня как ушат ледяной воды.

– Я знаю, что это больно, – сказала мама. – Но в конце концов тебе придется принять, что Дина больше нет. Прости, милая.

Все мое тело напряглось.

– Я не хочу ничего принимать, пока не увижу отчет Национального совета по безопасности на транспорте о расследовании аварии. Я не знаю, сколько времени это займет, но мне нужно знать их официальное заключение. И я собираюсь самостоятельно изучить эту тему и выяснить, что происходит с пропавшими самолетами на Багамах.

– Я бы предпочла, чтобы ты этого не делала, – сказала мама.

– Почему? По крайней мере, это даст мне возможность сосредоточиться и чем-то занять себя.

– Ты всегда можешь вернуться домой в Нью-Йорк и какое-то время пожить со мной, – предложила она. – Начать с чистого листа.

Именно этого мы с Дином хотели, когда четыре года назад переехали из Нью-Йорка в Майами. Начать с чистого листа. Какое-то время у нас неплохо получалось. По крайней мере, пока он не согласился заменить другого пилота, у которого хватило наглости заразиться кишечной палочкой и пропустить запланированный рейс.

– Мне нужно идти, – сказала я, глядя на суп в кастрюле. Положив трубку, я наклонилась, вдохнула запах бекона в бульоне и вновь почувствовала тошноту. Я долго и растерянно моргала, не веря самой себе.

Могло ли так быть? Возможно ли это?

Набрав в грудь побольше воздуха, я оставила половник на столе и пошла в спальню за адресной книгой в ящике стола. Я лихорадочно листала страницы в поисках нужного номера. И наконец нашла. Я поспешила обратно на кухню и позвонила врачу. Она знала о моей ситуации и согласилась принять меня в течение часа.

Я всегда представляла, что день, когда я узнаю, что беременна, будет очень счастливым. Дин поднимет меня на руки, закружит по комнате и скажет, как он счастлив. Остаток дня мы проведем, обзванивая друзей и родных, чтобы сообщить им радостную новость. А потом уютно устроимся в кроватке.

ти, только вдвоем, и насладимся радостью того, что создали что-то вместе. Ребенка. Прекрасного малыша, который будет расти во мне. Мы обсудим имена для мальчика и для девочки и перспективу покупки собственного дома – не всю ведь жизнь нам жить в квартире, которую нам бесплатно предоставила мама.

Но Дина не было рядом. Он не разделил со мной этот особенный момент. Я была одна в кабинете врача, когда она с состраданием сообщила мне результат теста на беременность, словно это было что-то печальное. В каком-то смысле так оно и было. Может, она просто чувствовала мое настроение.

Мы обсудили сроки родов, витаминные добавки и утреннее недомогание. Затем она сложила руки перед собой.

– Надеюсь, вы этому рады.

– Я рада. – Я кивнула. – Мы всегда этого хотели.

Она смотрела на меня с сочувствием.

– У вас есть кто-нибудь, с кем вы можете поговорить?

– У меня есть мама, – ответила я. – И сестра. И друзья.

– Нет, я имею в виду... профессионала.

– Психотерапевта?

– Да. Они могут быть очень полезны.

Я опустила взгляд и покачала головой.

– Мне так не кажется. Но я дам вам знать, если передумаю.

А пока я просто пойду домой посмотреть «Золотых девочек» и галлонами есть мороженое.

Она рассмеялась, но я не шутила. Думаю, она это пони-

мала.

Глава 7. Мелани. Нью-Йорк, 1986

– Это замечательно, – ответил доктор Филдинг. – Мне не терпится прочитать вашу работу.

– И я хочу поскорее закончить ее. Кто знает, что из этого может получиться?

Он нажал кнопку вызова лифта.

– Кстати, как продвигается работа? Будете ли вы готовы вовремя представить ее?

– Думаю, да, – ответила я. – Я почти на полпути к черновой версии.

– Отлично. – Двери лифта открылись, и доктор Филдинг вошел внутрь. – Обсудим это на следующей неделе.

Как только он ушел, я поспешила обратно в лабораторию, чтобы собрать вещи, потому что меньше чем через час у меня был сеанс с доктором Робинсоном. Я ходила к нему уже шесть недель и не могла отрицать, что ждала наших еженедельных сеансов с таким нетерпением, какого никогда раньше не чувствовала. Часто, работая в лаборатории, я прокручивала в памяти наши предыдущие разговоры и думала о том, что еще хочу с ним обсудить, например открытия, которые я сделала в ходе своих экспериментов, или необычные происшествия с пилотами незадолго до их исчезновения. Все это было ему очень интересно.

Мне нравилось говорить и о личном: о вкусной еде, ко-

тору ю я пригото вила, о хоро шей кни ге, кото рую я про чита ла, и, ко неч но, о мо их от но ше ния х с ма мой. Я бы ла цен тром вни ма ния, и это опья ня ло, ведь меня слу ша ли. Я не во ль но за ду ма лась: так ли это бы ва ет, ко гда вст ре ча ешь сво ю иде аль ную па ру? Что бы я ни го во ри ла – да же если что-то ба на ль ное, – он слу шал и рас пра шив ал с яв ным ин те ресом и ка зал ся чре зыч ай но ув ле чен ным. Ча сы, про ве ден ные с док то ром Ро бин со ном, ста ли са мы ми вол ну ющи ми ча са ми все й мо ей взрос лой жи зни.

Собрав вещи, я пошла в дамскую комнату, чтобы привести себя в порядок и накраситься. Косметику – пудру, тушь и блеск для губ – я купила сегодня утром в «Волгринс». Это было странно, потому что я никогда не красилась.

Однако, накрасившись, я посмотрела на себя в зеркало, и то, что я увидела, мне совсем не понравилось. Ощувив, как подкатила волна тошноты, я схватила салфетку и быстро вытерла ею лицо. Затем запихнула косметику обратно в сумку и поспешила к двери.

– Мне хотелось бы обсудить кое-что, что только что произошло, – сказала я доктору Робинсону, сев на диван в его кабинете. Он сидел напротив меня в большом кресле, сложив руки и с блокнотом на коленях.

Это было смелая и дерзкая просьба. Всю дорогу в метро я размышляла, стоит ли вообще поднимать эту тему, и придумала несколько разных способов рассказать об этом. Я спорила с самой собой, надо ли заводить разговор, который мо-

жет иметь для меня неприятные последствия. Но доктор Робинсон стал моим самым близким доверенным лицом и доказал мне, что этот кабинет – безопасное место, где я могу говорить что угодно, не опасаясь осуждения. Я воспринимала его как близкого человека, я доверяла ему, и мне казалось неправильным скрывать от него эту ситуацию. В конце концов, он был моим психотерапевтом. Его роль в моей жизни заключалась в том, чтобы помочь мне лучше осознать себя и научиться не подавлять свои чувства. Чтобы по-настоящему понимать себя.

– Мы можем говорить о чем угодно, – ответил он в своей обычной теплой, великодушной манере, которая разрушала все препятствия и наполняла меня мужеством.

– Ладно. – Я сделала паузу и опустила глаза. – Перед тем как прийти сюда, я накрасилась. – Я беспокоюсь сглотнула, не сводя глаз с пола. – Я хотела хорошо выглядеть, поэтому напудрила нос и накрасила губы. Я говорю об этом только потому, что это кажется важным. Потому что я вообще не пользуюсь косметикой.

Я посмотрела на доктора Робинсона. Не знаю, какой реакции я ожидала, но он смотрел на меня с беспокойством, его лицо было серьезным. Я ждала, что он ответит мне, но он, конечно, ничего не сказал.

Мы вдруг вернулись в дни первых наших сессий, когда он терпеливо ждал, пока я переведу наш разговор в то русло, в котором мне будет удобно, и молчание тянулось, пока я не

прерывала его.

– Но потом я посмотрела на себя в зеркало, – продолжила я. – И почувствовала себя такой жалкой. Ну, то есть... чего я хотела добиться? Стать привлекательнее и сексуальнее? Для вас? Моего психотерапевта? Это же безумие, да?

Он заерзал в кресле, и мне стало так неловко, что у меня совсем сдали нервы, и я опустила взгляд и принялась скрести ногтем указательного пальца по ногтю большого.

– Единственное, о чем я могла думать, – о своей матери и о том, как она расфуфыривалась, выходя на поиски мужчины. Она завивала волосы, как Фэрра Фосетт³. Я помню, у нее были зеленые атласные шорты, которые она называла «шортики». Она надевала их с ярко блестящими черными лаковыми ботфортами. Это никогда не подводило. Ей всегда удавалось привести домой какого-нибудь типа из бара, и какое-то время он жил с нами. Пока не уходил.

Доктор Робинсон терпеливо ждал, пока я продолжу.

– Вот почему меня затошнило в туалете. Это все помада. Пришлось все стереть. – Я тяжело вздохнула. – Мне кажется, дело в том... что я продолжаю.

– Продолжаете что? – спросил он.

– Жить в страхе, что закончу как моя мать. – Теперь я смотрела на него в ожидании, что он что-то скажет.

– И поэтому вы стерли макияж? – спросил он.

---

³ Актриса, модель и художница, секс-символ 1970-х. Самая знаменитая роль Фосетт – в телесериале «Ангелы Чарли».

Я кивнула, откинула голову на подушки дивана и съежилась.

– Я всегда мечтала, что однажды встречу мужчину, который полюбит мой внутренний мир, а не декольте или пышные волосы. И он будет любить меня вечно, и он не уйдет. И в последнее время. – Я с трудом сглотнула и попыталась снова собраться с силами, но их уже не было.

Доктор Робинсон молчал. Я хотела, чтобы он что-нибудь сказал. Я хотела, чтобы он понял, что я на самом деле пыталась объяснить, – что он пробудил во мне желание. Желание чувствовать себя сексуально привлекательной. Я хотела, чтобы он понял, что я влюбляюсь в него.

Я снова села прямо.

– Так что вы думаете об этом, доктор? – Я поняла, что теперь кокетливо называла его доктором каждый раз, когда чувствовала, что между нами пробегает искра. За этим словом стояло влечение, которое ни один из нас не хотел признавать, потому что нельзя было забывать о профессиональной этике. Его, а не моей. Конечно, я никогда не сделала бы ничего, что могло бы поставить под угрозу его репутацию или карьеру. Я слишком уважала его и заботилась о его благополучии.

Доктор Робинсон прочистил горло.

– Что ж, – наконец сказал он, немного подумав, прежде чем заговорить. – Мне все совершенно ясно, и, полагаю, вы и сами это знаете, Мелани. Вы знали это задолго до того,

как начались наши сессии. Вы знаете, что обижены на мать за то, что она не обеспечила вам детство в полной семье и надежную отцовскую фигуру.

Я почувствовала, что нахмурила лоб. К чему он клонил?

– Вот почему ваши чувства, связанные с ее смертью, сбивают вас с толку, – продолжал он. – Вы не можете понять, что вам чувствовать: боль, или безразличие, или вину за то, что так долго с ней не общались. Это замешательство влияет на все сферы вашей жизни, в том числе и на работу. Оно заставило вас сомневаться во всех ваших решениях, принятых в прошлом, и в том, кто вы на самом деле. Если вы хотите краситься, красьтесь. Это не должно иметь никакого отношения к вашей маме. Но имеет, так что нам явно есть над чем работать.

Я не могла не задаться вопросом, не пытается ли он просто сменить тему, чтобы увести меня подальше от мысли, которую я пыталась донести. Но я уже растеряла всю свою решимость, поэтому просто подчинилась.

– Мы немного отвлеклись от моей диссертации, – сказала я. – Но это тоже было полезно. Ваш интерес к этой теме заставил меня вспомнить, почему я всегда была так увлечена ею. Это и было моей целью, когда я пришла сюда. Понять, на правильном ли я пути.

– Я рад, что наши сессии вам на пользу, – ответил он. – Но, если вы не против, я хотел бы вернуться к тому, что вы говорили, когда описывали свою мать.

Не зная, чего ожидать, я нервно заерзала.

– У вас есть какая-то теория на этот счет?

– Возможно. – Он отложил блокнот на маленький столик и подался вперед, упершись локтями в колени. – Конечно, важно, чтобы вы были довольны своей карьерой и научной работой, Мелани, и реализовывались в этой области. Но ваша личная жизнь тоже имеет значение, и я хотел бы поговорить об этом, если возможно.

Как всегда, я спокойно доверилась ему.

– Да, хорошо.

Доктор Робинсон придвинулся чуть ближе.

– Вы когда-нибудь пытались думать о своей матери как о такой же молодой женщине, как и вы, у которой были свои надежды и мечты, похожие на те, о которых вы мне сказали?

Я слегка нахмурилась.

– А что я сказала?

– Вы сказали, что всегда представляли – и, кажется, вы употребили слово «мечтала», – что однажды кто-то полюбит вас и никогда не оставит.

Я осторожно, сосредоточенно наблюдала за ним.

– Так.

– Возможно, у вас есть некоторые проблемы, связанные с чувством покинутости, которые нам следует рассмотреть, но, прежде чем мы перейдем к ним, я хотел бы, чтобы вы обратили внимание на кое-что еще.

– Хорошо.

– Как вы считаете, ваша мама могла хотеть того же, чего хотите теперь вы? Возможно ли, что, когда она, как вы выразились, расфуфыривалась, она отправлялась на поиски партнера? Родственной души? Кого-то, кто всегда будет ее любить и станет для вас хорошим отцом? Может быть, этого она хотела больше всего – для вас.

Что-то всколыхнулось внутри меня и застряло в горле.

– Но никто из этих мужчин у нас не задерживался. Даже ненадолго. Она вечно ругалась с ними и в конце концов выгоняла.

Он вновь откинулся назад.

– Как вы считаете, почему?

– Потому что они все были неудачниками.

– А еще? Подумайте, что обычно происходило, прежде чем они расставались.

– Ссоры становились все кошмарнее, – ответила я. – И она говорила мне не выходить из спальни. Думаю, она боялась, что они могут накричать и на меня или сделать что-нибудь похуже.

Он наклонил голову, побуждая меня задуматься о чем-то серьезнее.

– После этого она их выгоняла, – сказала я и несколько раз медленно моргнула, потому что меня вдруг осенило. Я посмотрела в окно. – Ой...

Доктор Робинсон какое-то время молчал. Мы просто сидели в полуденной тишине и слушали, как за окном легко

шелестят листья дуба. Наконец я продолжала:

– Думаю, вы предполагаете, что моя мама старалась изо всех сил. Она хотела, чтобы я росла в нормальной семье. Поэтому она выходила на охоту. Она искала мужа и отца.

– Да, я действительно думаю, что так оно и было, – ответил он. – И мне нравится ход ваших мыслей, но вместе с тем я хочу, чтобы вы мыслили реалистично. Я не пытаюсь изобразить вашу маму святой, и вам тоже не стоит. Просто постарайтесь думать о ней как о нормальном человеке, молодой женщине, которую вы можете принять и понять. Ей было всего семнадцать, когда у нее родились вы, так что она, возможно, таким образом искала лучшей жизни – не только для вас, но и для себя. Но в этом нет ничего плохого. Это не делает ее безответственным человеком. Желать любить и быть любимыми свойственно людям. Большинство из нас хотят настоящей, глубокой близости с другим человеком.

– Родственной душой, – сказала я.

Какое-то время он смотрел на меня, а потом поднял руку перед собой.

– Давайте не будем излишне романтизировать мои слова.

– Вы не верите в родственные души? – спросила я.

Он замялся и несколько раз моргнул, вид у него был встревоженный. Затем он взглянул на часы на своем запястье.

– Боюсь, наше время уже вышло.

Я посмотрела на напольные часы.

– Надеюсь, другой пациент не слишком заждался.

– Все в порядке. На сегодня вы у меня последняя. Но нам действительно пора закончить.

Глубоко разочарованная, потому что мне отчаянно хотелось услышать его ответ на мой вопрос, я наклонилась вперед, натянула туфли, подняла сумку с пола и встала.

– Это был по-настоящему хороший сеанс, – сказала я. – Иногда мне не верится в то, о чем мы говорим. Вы будто зажигаете лампочки в моей голове.

Он тепло улыбнулся.

– Увидимся на следующей неделе?

– Конечно, – ответила я.

Меня ничто не остановит.

Он прошел за мной к двери и попрощался, прежде чем мягко закрыть ее за мной.

Спускаясь по скрипучей лестнице в пустую приемную и выходя в солнечный полдень, я чувствовала, как трепещет мое сердце. Я поймала себя на мысли о маме, о том, как счастлива она всегда была в первые дни новых отношений. Именно тогда мы вместе ходили на бейсбол и в походы и она была лучшей матерью в мире, улыбалась, смеялась и пекла печенье, которым так приятно пахло дома, когда я возвращалась из школы.

Тогда же я осмеливалась поверить, что мой мир может быть другим. Все, чего я хотела, – чтобы мы были счастливы и в безопасности, но счастье моей матери, казалось, было

связано лишь с успехом или неудачей ее нынешних отношений. Все было так изменчиво и непредсказуемо. Все зависело от мужчины, от того, насколько он был добр к нам, и от того, с какими надеждами мама смотрела в будущее.

Вот почему я никогда не хотела полагаться на кого-то еще, чтобы осуществить свои мечты. Я хотела быть самостоятельной.

Но значило ли это, что я должна быть одна? Разве нельзя было полюбить кого-то, кто не стал бы для меня катастрофой? Встретить хорошего, порядочного мужчину, такого, как мой дед? Человека, на которого я могла бы положиться и которому могла бы доверять?

Я не знала ответа на этот вопрос, но хотела обсудить его на следующей неделе с доктором Робинсоном. Мне не терпелось продолжить с того места, где мы остановились. Может быть, в следующий раз я решусь и расскажу ему, что именно чувствую.

Глава 8. Оливия. Майами, 1990

Я сердито бросила трубку после очередного неприятного разговора с какой-то женщиной из Национального совета по безопасности на транспорте. Я была уже на шестом месяце беременности, а они до сих пор не закончили отчет о так называемой аварии Дина, и эта женщина ясно дала мне понять, что устала отвечать на мои звонки.

Это меня расстроило, потому что сперва она мне сочувствовала. Сопереживала моей потере. Говорила со мной ласково и мягко. Но недавно ее тон изменился, и я подумала, что, может быть, в самом деле стоит рассмотреть предложение, которое сделала мне врач миллион лет назад, и поговорить с психотерапевтом. Потому что, возможно, проблема была не в женщине из Национального совета. Возможно, проблема была во мне.

Я тупо смотрела на стопку отчетов о крушениях, которые читала последние полгода. Копии отчетов я получила в библиотеке Федерального авиационного управления во время своей исследовательской поездки в Вашингтон. Больше всего меня интересовали самолеты, исчезнувшие над Бермудским треугольником, и я узнала много невероятного, что было не так уж далеко от диких историй Брайса Робертса.

Было несколько расследований, в которых упоминались необъяснимые радиопомехи и отключения электроэнергии,

исчезновения без каких-либо сигналов бедствия и проблем с двигателем и в идеальную погоду. Не было сообщений ни о пожарах, ни о взрывах. И никаких обломков или тел так и не было найдено.

В одном отчете был сделан тревожный вывод о том, что самолет, по всей видимости, столкнулся с «внезапной мощной силой, из-за которой он стал непригоден к полету, и, таким образом, задача по управлению им вышла за пределы человеческих усилий». Природа силы, сделавшей самолет неуправляемым, была неизвестна.

В другом отчете о похожем исчезновении говорилось, что «расследованию никогда не представлялось более загадочной проблемы».

Для меня было очевидно, что мое исследование темы пропавших самолетов стало навязчивой идеей, что всех беспокоило, потому что ажиотаж СМИ сошел на нет и увлечение публики Бермудским треугольником прошло. Одна я все еще была на этом зациклена. Одна моя подруга предположила, что виной всему беременность и гормоны. Сара думала, что я потеряла связь с реальностью. Неделю назад она вновь умоляла меня обратиться к психотерапевту.

Сидя за кухонным столом, я прислушивалась к приятному ощущению того, как в животе шевелится малыш. Это было похоже на взмах крыльев бабочки. Он брыкался или ворочался? Он это или она?

Я откинулась на спинку кресла, вновь взглянула на отчеты

о катастрофах и поняла, до чего в квартире тихо. Ни музыки, ни телевизора, ни смеха, ни разговоров. Только я наедине с шелестом страниц. Днем было еще терпимо, но ночью, в темноте, когда горела лишь лампа на журнальном столе или холодная люминесцентная лампочка на кухне и тишина становилась невыносимой, я осознавала, как отчаянно скучаю по Дину. В моей жизни не осталось радости, только ужасное горе, порожденное непостижимой утратой. Иногда все мое тело ломало от боли в сердце и я не могла уснуть. Ночь за ночью я вставала и до рассвета читала отчеты о расследованиях авиакатастроф в поисках зацепки. Чего-то, что могло произойти в прошлом. Чего угодно, что дало бы мне представление о том, что стало с Дином, есть ли вероятность того, что он все еще жив. Но ночь проходила за ночью, и результат был тот же. Я ничего не нашла.

Малыш вновь брыкнулся, я стала рисовать пальцем маленькие круги чуть выше пупка.

– Привет, – мягко сказала я. – Здесь слишком тихо, тебе не кажется? Может, ты хочешь послушать музыку?

Он – или она – не ответил, и мне еще больше захотелось разбавить тишину. Я поднялась и взяла с полки над стереосистемой альбом Ван Моррисона «Moondance», один из любимых альбомов Дина. Мы слушали его, когда только поженились и жили в крошечной однокомнатной квартирке рядом с летной школой. Отец тогда еще был жив, но мы с Дином были полностью отрезаны от семьи, что и сблизило нас.

Только после смерти отца мама наконец связалась с нами и предложила переехать в ее квартиру.

Опустив иглу на виниловую пластинку и услышав знакомые гитарные аккорды и джазовые ритмы, я задумалась: не рассмотреть ли мне переезд домой, в Нью-Йорк? Мама предлагала это с тех пор, как узнала, что я беременна, но я всегда отказывалась. Наверное, я хотела, чтобы этот пресловутый свет в окне горел для Дина. И Нью-Йорк сейчас не особо меня привлекал, потому что именно там у нас с отцом произошла последняя ужасная ссора. Но папы уже не было, а мама с нетерпением ждала, когда станет бабушкой.

Я встала и подошла к окну, посмотрела на парусники у пристани внизу. Каждый раз, глядя на них, я думала о Дине и чувствовала, что в моем сердце и в моей жизни – огромная зияющая дыра. Эта квартира начинала напоминать склеп. Хотела ли я, чтобы мой ребенок рос в таком месте?

Зазвонил телефон, и, как всегда, со вспышкой надежды я поспешила ответить:

– Да?

– Алло, это жена пропавшего пилота?

– Да, – ответила я. – Кто, позвольте спросить, звонит?

Наступила долгая пауза, затем послышался визжащий звук, похожий на помехи от старой рации.

– Это твой муж звонит из космоса. Я не вернусь домой, потому что встретил горячую инопланетянку!

Последовал смех, и я поняла, что это был розыгрыш, на-

верное звонили какие-то соседи-подростки.

– Повзрослей, а? – резко ответила я и бросила трубку.

Мое сердце бешено колотилось, желудок бурлил от гнева. Сжав руки в кулаки, я опустилась на стул и сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. Я положила руки на живот, на миг закрыла глаза и прислушалась к тишине.

Открыв глаза, я обнаружила, что смотрю на шаткую стопку отчетов о катастрофах, и задалась вопросом: что я, черт возьми, вообще ищу? Я снова услышала голос того, кто звонил. Это твой муж... из космоса...

Я провела руками по животу и вдруг почувствовала важное изменение в моем душевном состоянии. Что я здесь делала? Одна в квартире в Майами, в то время как ждала ребенка. Ребенка Дина. И я наконец задумалась о том, что мне пора позвонить матери и поговорить о своем возвращении в Нью-Йорк.

Глава 9. Оливия. Нью-Йорк, 1990

За шесть дней до Рождества у меня подскочило давление и я впала в ужасную панику. Мои икры и лодыжки страшно опухли, врач сказал, что это отек. Тест показал белок в моче. В совокупности все это было симптомами преэклампсии, которая представляла серьезную опасность для здоровья – моего и моего малыша. Врачи хотели понаблюдать за мной, пока мое давление не придет в норму, поэтому меня на несколько дней положили в больницу, где мне не удавалось избавиться от страха, что может произойти что-то ужасное и я потеряю и ребенка. Ребенка, которого мы с Дином создали вместе. До того, как я потеряла его.

Был канун Рождества, когда меня наконец выписали и назначили полный постельный режим до самых родов. Мария, наша домработница, принесла мне в постель ужин, мама была очень заботлива. После ужина мы смотрели «Рождественскую историю» с Джорджем К. Скоттом.

Я старалась быть веселой, когда утром мама вкатила в комнату тележку, доверху нагруженную подарками для меня и малыша. Я поблагодарила ее, открыла все коробки, но легче на душе не стало. Я находилась в постоянной тревоге, а за окном даже не было красивого снега, который мог бы поднять мне настроение. Только пелена холодного дождя. Моя спальня была мрачно-серой, будто я жила внутри грозовой

тучи, где могло произойти только плохое.

Я от всего сердца молилась, чтобы все было хорошо, потому что плохого в этом году мне уже хватило.

На следующий день мама разбудила меня, войдя в спальню. Она раздвинула шторы и воскликнула:

– Смотри-ка! Снег!

Я села и, прищурившись, посмотрела на белизну за окном. Крупные снежинки превращались в слякоть, медленно скользившую по оконному стеклу.

– Как мило, – ответила я, чувствуя, как пинается ребенок. Это немного меня приободрило. Мама села на край кровати.

– Скоро Мария принесет тебе овсянку и чернику, а потом тебе придется принять душ и одеться, потому что сегодня у тебя гости.

– Гости? – Я нахмурилась. – Какие?

– Кэсси, Рэйчел, Аманда, Кевин и Гэбриел. Тодду я тоже звонила, но он отдыхает на Барбадосе.

Все это были мои старые близкие друзья по колледжу – и среди них мой бывший.

– Мам, зачем ты позвала Гэбриела? Всем будет неловко.

– Нет, не будет. Прошло уже пять лет, у каждого из вас своя жизнь. К тому же он уже больше года с кем-то встречается. Мне говорили, она медсестра.

– Но мы не виделись с самого...

У меня не было сил объяснять, что в последний раз я видела Гэбриела в кофейне в Сохо, куда он пригласил меня по-

смотреть, как он играет на саксофоне. Мы тогда уже расстались, но он хотел, чтобы мы сошлись, так что я пришла туда с Дином. Мне казалось, это хороший способ показать Гэбриелу, что между нами все кончено, но, вспоминая об этом, я чувствовала себя виноватой. С моей стороны было жестоко и трусливо вот так демонстрировать ему своего нового парня.

– Мне нужно отдохнуть, – сказала я маме, отчаянно цепляясь за любую причину ни с кем не встречаться. – Зря ты это сделала.

– Не волнуйся. Они не ждут, что ты будешь плясать перед ними джигу. Я рассказала им про рекомендации врача. Они просто хотят прийти и немного тебя поддержать.

Я посмотрела на снег, скопившийся на подоконнике снаружи, и решила, что немного поддержки мне не повредит.

– Ладно, давай, – сказала я. – Но мне надо будет принять душ и надеть что-то получше этой старой ночнушки.

Мама радостно прыгнула с кровати и умчалась выяснять, как там мой завтрак.

Я сидела в кровати и перечитывала «Чего ждать, когда ждешь ребенка», когда услышала шум в прихожей и поняла, что пришли друзья. Я оставила закладку на нужной странице, отложила книгу и прислушалась к маминому смеху. Когда мы все учились в колледже, мои друзья стали для нее как ее собственные дети. После выпуска наши пути разошлись, так что нам было что обсудить.

Я ждала в постели, но они не торопились, и я уже подума-

ла, что мама устроила им в гостиной собственный светский вечер, когда в дверях появилась Рэйчел с букетом гелиевых шариков, а за ней – Кэсси и Аманда с цветами и подарками. Увидев меня, они не смогли сдержать слез, но это были слезы радости.

– Бог ты мой! – воскликнула Рэйчел, подошла к кровати и обняла меня. Девочки наперебой говорили, как хорошо я выгляжу и как давно мы не виделись.

Следом вошел Кевин и поприветствовал меня менее эмоционально, поцеловав в щеку и дав пять.

– Поздравляю с булочкой в духовке, – сказал он.

– Спасибо, – ответила я и обвела их взглядом. – Так приятно вас видеть, ребята. Поверить не могу, что вы здесь. Садитесь. Расскажите мне, как вы.

Девчонки положили на пол цветы, подарки и воздушные шары и забрались на кровать, а Кевин сел на стул у окна.

Я восхищенно осмотрела их всех, а потом поняла, что кое-кого не хватает.

– Гэбриел не пришел? – спросила я.

Кевин указал большим пальцем на дверь, будто собирался поймать попутку.

– Он на кухне с твоей мамой, обсуждает вечеринку в честь пятидесятой годовщины свадьбы его родителей.

Рэйчел взглянула на меня, потому что помнила все перипетии наших отношений и то, как мои родители обожали Гэбриела – отчасти поэтому мы с ним и расстались. Я просто

не могла вынести давления по поводу того, что мне нужно поскорее выйти за него замуж.

– Ты прекрасно пахнешь, – сказала я Кэсси. – Что это за духи?

Она закатала рукав и протянула мне свое запястье.

– Это «Опиум». Ив Сен-Лоран.

– Мне нравится.

– Вот и хорошо, потому что я и тебе купила флакон.

– Ой! – воскликнула я.

– Ты никогда не умела хранить секреты, – заметила Рэйчел. – Только не рассказывай, что я ей принесла.

– Ни за что, – ответила Кэсси с застенчивой улыбкой.

Раздался легкий стук в дверь, и вошел Гэбриел. На нем был темно-синий свитер крупной вязки поверх накрахмаленной белой рубашки с воротником и свободные джинсы. Его волосы были длиннее, чем я когда-либо видела. Он ласково и тепло улыбнулся мне.

– Привет, – сказал он. – Давно не виделись.

– Слишком долго, – ответила я, когда он подошел, наклонился над кроватью и поцеловал меня в щеку.

– Я очень сочувствую по поводу Дина, – тихо сказал он.

– Спасибо. Я ценю твою поддержку.

Он чуть отступил назад, посмотрел на мой живот.

– Ты хорошо выглядишь.

– Большая, как слон, – сказала я, пытаюсь выглядеть беззаботной, и обхватила живот обеими руками. – Как вы по-

живаєте?

Мне не хотелось быть в центре внимания.

Рэйчел начала драматический рассказ о праздничном ужине в кругу ее гигантской семьи, после чего мы целый час обсуждали карьеру и личную жизнь друг друга. Только потом они коснулись темы Дина и его громкого исчезновения у берегов Пуэрто-Рико. Я рассказала им, что случилось той ночью, и Рэйчел крепко сжала мою руку.

– Мы планировали детей, – сказала я. – Мы говорили об этом ровно в тот день, но я понятия не имела, что уже беременна. Жаль, что он так и не узнал.

Кэсси гладила меня по колену.

– Это ужасно, – сказал Кевин. – Надеюсь, ты знаешь, что, если тебе что-нибудь нужно, мы всегда рядом.

– Спасибо, – ответила я, выпрямляясь. – Ребята, вы лучшие.

Но, даже произнося эти слова, я знала, что мы уже не сможем быть друг для друга теми, кем были раньше, когда учились в колледже, юные и свободные. Рэйчел, Кэсси и Аманда вышли замуж, Кевин был холост, но жил в Калифорнии и был привязан к ней бизнесом. А Гэбриел... он по-прежнему жил в Нью-Йорке, но нас слишком многое связывало. Между нами ощущалась некоторая неловкость, и мне не нужна была дружба с бывшим. Мне нужен был только Дин.

– Так когда ты собираешься открывать подарки? – спросил Кевин, легонько пнув ногой одну из коробок, и разрядил

напряжение. – И когда мы будем лопать шарики?

– Мы не будем их лопать, – с наигранным возмущением ответила Кэсси. – Это испугает малыша.

Она наклонилась и сказала моему животу:

– Не волнуйся, милый. Я тебя прикрою.

Я сжала руку Кэсси. Как прекрасно было после стольких месяцев одиночества оказаться в компании хороших друзей!

Кевин передал мне подарок, и я пришла в восхищение – в нем оказалась детская обувь всех видов и размеров.

– Этого нам хватит до детского сада, – сказала я.

Позже, когда им пришло время уходить, все по очереди расцеловали меня в щеки.

– Не волнуйся. Все наладится, – прошептала Рэйчел мне на ухо. – Я тебе позвоню.

Интересно, правда ли она собиралась мне звонить?

Гэбриел прощался последним.

– Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится, – сказал он. – Я пока здесь, в городе.

– Спасибо, – ответила я и проводила его взглядом.

Неделю спустя Рэйчел действительно позвонила и снова пришла в гости – на этот раз чтобы сказать, что тоже ждет ребенка. Нам было о чем поговорить, и с этого момента мы созванивались каждый день.

Мой мир изменился. Я впервые увидела свет в конце туннеля. До родов оставалось всего несколько дней, и врачи уверяли меня, что мой прогноз благоприятен. К тому же я пере-

стала читать отчеты о катастрофах и искать истории о Бермудском треугольнике. Похоже, я готова была оставить поиски ответов. Да и какой в этом был смысл, если ответов не существовало?

Глава 10. Мелани. Нью-Йорк, 1986

Не стоит и говорить, что я отставала в работе и часы напролет проводила, сидя за пишущей машинкой и глядя в стену. Я не могла дождаться, когда снова увижу доктора Робинсона и утром в день нашей новой встречи проснулась с чувством, будто наступило Рождество.

Я встала с кровати и раздвинула шторы, сварила себе кофе и попыталась написать об энергии нулевой точки. Я хотела раскрыть эффект Хатчисона и с помощью своих лабораторных экспериментов с высоковольтным оборудованием доказать, что, если электромагнитная длина и частота волн будут достаточно нарушены, это может привести к разрушению самолета за микросекунду. Возможно, даже исчезнет в другом измерении.

Но слова не шли. Я не могла думать о катушках Теслы и электрической индукции, находясь в таком возбужденном предвкушении встречи в четыре часа. Адреналин мчал по моим венам со скоростью света.

В конце концов я сдалась и пошла купить себе что-нибудь новое из одежды. Я нашла на распродаже блейзер и шикарную твидовую юбку-карандаш. После обеда я долго принимала душ, потом завила волосы. Я даже накрасилась и на этот раз не позволила себе стереть макияж.

Милый, замечательный доктор Робинсон... он помогал

мне стать женщиной, которой я должна была быть, свободной от страхов и комплексов.

Я пришла на прием заранее и села в приемной, чувствуя, как от волнения сжимается мой желудок. Когда наконец Джейн, секретарша, назвала мое имя, я встала и поднялась по лестнице из красного дерева, застеленной красной плюшевой ковровой дорожкой, сделала глубокий успокаивающий вдох и постучала в дверь доктора Робинсона.

Одного только звука его шагов было достаточно, чтобы вызвать во мне бурю эмоций. Это был венец каждой моей недели – начало сеанса, когда я могла рассчитывать на целый час наедине с ним.

Дверь открылась, и он, объект моих мечтаний, стоял за ней во плоти. На нем были светло-коричневые брюки и шоколадно-коричневый свитер с высоким воротником. Он был так убийственно красив, что я чуть не упала в обморок.

– Добрый день, Мелани, – сказал он со знакомой теплой улыбкой, которая наполняла меня радостью. – Входите.

Он отступил в сторону, и я, как обычно, прошла к дивану. Он сел напротив меня, достал свой блокнот и положил его себе на колени.

– Как прошла неделя?

Меня огорчило, что он, похоже, не заметил ничего особенного – того, что я впервые приложила значительные усилия, чтобы выглядеть лучше.

Или, возможно, он заметил, но посчитал неуместным

комментировать.

– Хорошо, – ответила я. – Даже лучше, чем просто хорошо.

– Вот как? Почему же?

Я замялась, потому что это был момент, который я постоянно репетировала в уме. Момент, когда я признавалась ему в своих чувствах.

– Благодаря тому, о чем мы говорили на прошлой неделе.

Ему не нужно было сверяться с записями в блокноте. Он помнил.

– О том, что вы смогли иначе относиться к своей маме?

– Да. Не знаю, заметили ли вы, но сегодня я накрасилась.

– Я заметил. – Он торжественно кивнул, как бы говоря «молодец». – И что вы почувствовали, когда накрасились? Не то же, что на прошлой неделе?

– Вообще нет. Я почувствовала... – я сделала небольшую паузу, – надежду.

– Надежду на что? – спросил он и сделал в блокноте пометку. Интересно, знал ли он, что я хотела ему сказать, и не поэтому ли задал этот вопрос – чтобы услышать, как я признаюсь в своих чувствах и наконец даю им волю.

– У меня появилась надежда, потому что я смогла представить – ну, по-настоящему представить – себя счастливой с другим человеком. – Я помолчала, заставляя себя поддерживать с ним прямой зрительный контакт. Наконец нужные слова сорвались с моих губ: – И этот человек – вы.

Он поднял глаза и целую секунду смотрел на меня, прежде чем проговорить:

– Простите, вы только что сказали... этот человек – я?

– Да. – Я, не отводя взгляда, смотрела на него, давая ему время перевернуть мое признание. – За прошедшую неделю я поняла, какие мы могли бы построить отношения, и они не похожи на неудачные романы моей матери. Они представляются мне здоровыми и счастливыми. Я вспоминала ваши слова о том, что людям свойственно желание ощущать близость с кем-то. Быть любимыми. Я это почувствовала. Я имею в виду... Я прихожу сюда уже несколько недель, и мы только и делаем, что разговариваем о личном. Вы знаете меня лучше, чем кто-либо за всю мою жизнь.

Он неловко ерзал в кресле.

– Но, Мелани, боюсь, это игра в одни ворота, потому что вы ничего обо мне не знаете.

– Я знаю все, что мне нужно знать, – сказала я. – Все, что имеет значение. Я знаю, что вы добрый и сострадательный, понимающий и великодушный. Вы терпеливы и всегда спокойны. Я не могу представить, чтобы вы когда-либо кричали или вели себя агрессивно, как те мужчины, которых приводила домой моя мать. Вы их полная противоположность. Вы из другого мира, и это такое счастье.

Я заметила, что его щеки слегка порозовели. Он принялся щелкать ручкой и сверяться со своими заметками. Наконец он прочистил горло, поднял взгляд и сказал:

– Я рад, что вы поделились со мной. Важно, чтобы мы говорили обо всем, что вы чувствуете. Но вместе с тем важно, чтобы вы понимали границы между нами. Я ваш психотерапевт, и любые личные отношения между нами были бы совершенно неуместны. Профессионально неэтичны.

Я почувствовала, как меня вдруг затошнило, потому что это было не то, что я ожидала услышать. Я много раз представляла себе этот разговор и ожидала, что он будет вести себя профессионально и скажет, что между нами не может быть романтических отношений, потому что он мой психотерапевт, а я его пациентка, но я все же надеялась, что по его лицу я поняла бы, что это не так. Мы продолжили бы говорить об этом, и в конце концов он не смог бы отрицать свои чувства ко мне и мы нашли бы способ быть вместе.

Но все вышло иначе. В его глазах я видела совсем другое. Я видела страх.

Я опустила глаза и подперла голову рукой.

– Вы в порядке? – спросил он. – Вы можете рассказать мне, что сейчас чувствуете?

– Чувствую себя униженной, – ответила я. – И смущенной.

– Не нужно смущаться. Не забывайте, что в этом кабинете вы в полной безопасности. Вы можете сказать мне что угодно, и мы это проработаем. Если вам станет хоть немного легче, то ваши чувства совершенно нормальны, это происходит очень часто. Я проявил к вам заботу и внимание. Пациенты нередко ошибочно принимают ощущение благополучия за

влюбленность. Но это не так.

Я заставила себя посмотреть на него.

– Почему вы так уверены? Мне это чувство кажется настоящим. Наши разговоры о моей работе были такими увлекательными, ведь правда? Я знаю, вам они нравились не меньше, чем мне.

– Да, мне нравится говорить о вашей работе, – согласился он. – Потому что мне интересна эта тема. Но это не означает романтического влечения. Я ваш доктор, и мне интересно все, что вы хотите сказать, Мелани, но только в контексте вашей терапии и только в этом кабинете. За его пределами между нами ничего не может быть.

Мое дыхание участилось, будто я неслась вниз по лестнице из горящего дома.

– А если я больше не буду вашей пациенткой? Что, если я откажусь от терапии, и тогда мы сможем...

Он тут же покачал головой.

– Нет. На этот счет тоже есть определенные правила. Это тоже запрещено. В таких случаях врача ждет лишение лицензии. Или что похуже. Это противозаконно.

Его голос был твердым, он не оставлял никакой надежды. Я не могла произнести ни слова. Меня словно сбило грузовиком, и я просто сидела в оцепенении и молчала. Какое-то время он наблюдал за мной.

– Что вы сейчас чувствуете?

Я рассмеялась, потому что не могла поверить своим ушам.

– Хотите, чтобы я рассказала вам, что чувствую? Похоже, вы выбрали эту работу, потому что вам нравится мучить людей.

Он никак не отреагировал, так что мне пришлось ответить на его вопрос.

– Ну хорошо. Хотите откровенности – я буду с вами откровенна. Я в ужасе, потому что никогда прежде такого не испытывала. Ни к кому. В последнее время я не могу думать ни о чем, кроме вас. Это мешает мне работать, потому что я не в состоянии сосредоточиться. Мне не до тайн Бермудского треугольника, потому что в моих мыслях только вы, как я ни пытаюсь взять себя в руки. Уж поверьте, я пытаюсь, – я резко выдохнула. – Мне нравится приходить сюда каждую неделю и рассказывать вам о своей работе. Обо всем. Мне нравится то, как вы меня слушаете. Как смотрите на меня. Но теперь я боюсь, что все испортила и что вы собираетесь прервать мое лечение, потому что боитесь, что я буду вести себя безрассудно и вы лишитесь работы. Но, пожалуйста, не надо. Прошу вас, не прекращайте наши сеансы. Я не знаю, что мне делать, если мы не сможем видеться.

Доктор Робинсон опустил взгляд на свои записи и мягко сказал:

– Я не собираюсь прекращать наши сеансы, Мелани, если только вы сами не захотите перейти к другому терапевту, – тогда я выполню вашу просьбу. – Он поднял глаза. – Но я хотел бы использовать эту возможность, чтобы помочь вам

преодолеть некоторые глубоко укоренившиеся страхи, которые могут возникнуть у вас по поводу близости, и затем научиться в будущем строить здоровые отношения с другими людьми. Я думаю, вы уже добились определенного прогресса, открывшись перспективе вступить в близкие отношения с кем-то, кого вы уважаете и кем восхищаетесь. Этим человеком просто не могу быть я. Итак, первое, что вам нужно сделать, это признать, что ваши чувства ко мне ненастоящие, потому что вы не знаете, какой я человек во взаимных отношениях. То, что с вами происходит, называется эротическим переносом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.